

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 122, ноябрь 2024

РАЗВИТИЕ И ВОЙНА

В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕСПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Каждое поколение марксизма сталкивалось с переломными моментами, когда решающим становилось понимание связи между темпами капиталистического развития и нарастающим экономическим кризисом, военным кризисом и революционным политическим кризисом. Опыт тех сражений, в которых взаимосвязь между динамикой капитала и войной была центральной, проливает свет на задачи революционной стратегии сегодня. В этом смысле 7 ноября 1917 года, сражение в России за международную революцию, остаётся живой частью нашей истории.

В революциях 1848 года Маркс и Энгельс придерживались схемы, которая так и не реализовалась. Они рассчитывали на вероятность, что в европейской войне против России, оплота феодально-абсолютистской реакции, переплетутся различные классовые условия буржуазно-демократических революций в Германии, Италии или Венгрии, и пролетарской революции, социальные предпосылки которой во Франции и особенно в Англии к тому моменту уже созрели. Это была стратегия *перманентной революции*, в которой сочетались классовая борьба и борьба между государствами, и где интернациональное объединение этой борьбы, связывающее различные классовые планы, должно было поднять европейскую революцию до уровня социалистической революции.

Ход событий развернулся в другом направлении; именно революция в Европе, изолировав Англию от континента, позволила ей восстановиться и достичь неслыханного «процветания» благодаря связи с развитием мировых рынков, отмечали Маркс и Энгельс в 1850 году.¹ Что касается европейской войны против царского абсолютизма, то она также не состоялась, что позволило России подавить венгерскую революцию. Это были первые шаги марксистской стратегии, но эта схема оказалась не так уж далека от реальности: даже либеральная историография признаёт, что революции 1848 года лишь немного не совпали с Крымской войной 1853 года, и в этом случае пожар действительно изменил бы лицо Европы.

Следующее поколение находилось под влиянием фазы длительного мирного развития в последние десятилетия века, которую сегодня называют *первой глобализацией*, и не смогло воспользоваться «научным пророчеством» Фридриха Энгельса о кризисе конца века и его интуицией, предвосхитившей черты империализма XX века. Это было поколение, потерявшее стратегию: оно поспособствовало провалу и предательству Второго Интернационала перед лицом войны 1914 года.

Третье поколение, поколение большевиков, напротив, смогло довести марксистскую науку до совершенства, а ре-

волюционную стратегию – до зрелости. Именно тогда была понята связь между неравномерным капиталистическим развитием, кризисом порядка в балансе сил и, наконец, разрушением порядка в империалистической войне. Овладевшая пониманием *военного кризиса и революционного политического кризиса*, ленинская стратегия привела к победоносному восстанию Октябрьской революции, которое, однако, должно было стать лишь первым штурмом интернационалистической революции.

Однако после разрушения первого звена в цепи мирового империализма, поражение в Германии показало, насколько трудно сломить последующие звенья. В 1919–1921 годах Третий Интернационал вновь оказался перед необходимостью расшифровать связь между ходом капиталистического цикла и революционными перспективами, как и Маркс и Энгельс в 1848–1850 годах. За несколько месяцев произошёл переход от послевоенного экономического кризиса к новой фазе развития; трудность осознания этого внезапного поворота событий объясняет колебания и тактические ошибки, особенно в Германии, которые усугубили изоляцию Октября. Остальное довершила сталинская контрреволюция, и ленинское предвидение о связи судьбы международной революции с мировым развитием и новым циклом буржуазно-демократических революций в Азии также не смогло реализоваться. Время штурма в России не совпало как со временем в Германии, так и со временем в Азии.

В 1930-е годы Интернационал был превращён в инструмент российского государственного капитализма, а затем уничтожен сталинизмом. Оставшиеся в живых представители революционно-меньшинства не смогли сохранить и передать далее ленинскую теорию империалистического развития: они переоценили замедление этого развития в Европе, восприняв его как *стагнацию*, или, по итогам второй мировой войны, интерпретировали его как утверждение всеобщего господства американского империализма. В отличие от штурма 1917 года, в этой войне ни одна часть нашего мирового класса не смогла поднять голос для интернационалистской борьбы. При всей зрелости ленинской стратегии ей не хватило преэминентности в революционной теории и организации. Ей не хватило *партии-стратегии*.

В послевоенный период для ядра рабочих и партизан группы, стоявшей у истоков *Lotta Comunista*, первой задачей было именно восстановление связи с ленинской теорией империализма, понимание задач и возможностей действий в этом новом стратегическом цикле. «Тезисы» 1957 года сводились к следующему: длительный цикл мирового капиталистического развития отсрочит кризис империализма и разрушение порядка меж-

ду державами на десятилетия; кризисы и войны останутся частичными и ограниченными. И кризис 1973 года, вызванный нефтяным шоком пятнадцать лет спустя, оказался кризисом реструктуризации, а не общим кризисом. Развитие новых регионов на Востоке дало возможность растворить противоречия, скрывавшие старые западные регионы.

Теперь, когда из этих новых областей выросла такая колоссальная империалистическая держава, как Китай, понимание нового цикла, осознание того, как империалистическое развитие тянется за ним и как оно нарушает *глобальный баланс держав*, составляет суть нового сражения революционной стратегии. *Новая стратегическая фаза* определяет свои собственные специфические отношения между мировым циклом и войной.

Сегодняшнее состояние кризиса порядка уже не то, что было отражено в «Тезисах» 1957 года, но ещё не то, что стало бы разрушением порядка, подобным открывшему путь к революции 1917 года. Находясь на перекрёстке между импери-

алистическим развитием и войной, войны кризиса порядка ещё не превратились в империалистическую войну слома этого порядка, даже если сам правящий класс указывает на её очертания на горизонте, чего не было в предыдущие десятилетия.

Таким образом, понимание *стратегической беспрецедентности* эпохального изменения, связанного с вторжением китайского империализма, на которое реагируют державы старого порядка, – это сражение, которое вписано во всю траекторию революционной стратегии, от её начала в 1848 году до зрелости в 1917-м, от поражения в 1930-х годах до трудного восстановления в 1950-х. Это относится как к новому характеру мирового противостояния, так и к непосредственным политическим задачам, вытекающим из него.

(Продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, октябрь 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 230.

Содержание

РАЗВИТИЕ И ВОЙНА В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕСПРЕЦЕДЕНТНОСТИ	стр. 1
Китайский автопром вскрывает суть кризиса старого порядка.....	стр. 2
Нобелевская премия за лучшую оболочку.....	стр. 3
<i>Европейские хроники</i>	
Обмен суверенитета на деньги и денег на реформы.....	стр. 4
<i>Российские хроники</i>	
Обыкновенный капитализм	стр. 5
<i>Крупные группы российского империализма</i>	
Историческая задержка реструктуризации.....	стр. 6
Варшавское восстание и противостояние между империализмами.....	стр. 7
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Кто недооценил Китай?.....	стр. 8
<i>Выборы в США</i>	
Внутренние миграции перемешивают электорат.....	стр. 9
<i>Выборы в Японии</i>	
Электоральное землетрясение в Токио	стр. 10
<i>Европейская оборонная промышленность</i>	
Ракеты для Европы	стр. 11
<i>Европейские крупные группы в 2023 году</i>	
Электрический переход и азиатское вторжение сотрясают крупные группы европейской промышленности	стр. 12-13
Фрагментированные и соперничающие национализмы в средневосточном лабиринте.....	стр. 14-15
Войну можно предотвратить.....	стр. 16
СУТЬ МОМЕНТА	стр. 16

Договора и торговые войны

Сельскохозяйственное исключение в ВТО.....	стр. I
Застой ВТО в Абу-Даби.....	стр. II
Единство и фрагментация мировой торговли.....	стр. III
Политические цифры международной торговли.....	стр. IV

Китайский автопром вскрывает суть кризиса старого порядка

(начало на 1 стр.)

Александр Дынкин, президент Московского Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), прогнозирует, что для того, чтобы в мире сложилась новая расстановка сил, потребуется «не менее десяти лет», и отмечает, что центр экономической активности смещается в сторону Азии, а центр военной гравитации следует за ним «с лагом в 20 лет»¹.

Аргументы Дынкина неубедительны из-за географического и экономистского детерминизма понятия «центр гравитации»: похоже, он хочет выкроить пространство для российской инициативы до того, как соотношение сил окончательно сместится в пользу Китая. Однако тезис о временном лаге между экономическим и военным циклом сохраняет свою ценность, если не понимать его механически. Конечной основой военной мощи остаётся промышленный и производственный потенциал, и по природе вещей планы перевооружения требуют времени для реализации, но, тем не менее, они должны проходить через стратегические решения политического руководства держав. В Берлине обсуждаются перспективы десятилетия для перевооружения, чтобы преодолеть последствия тридцати лет, когда военный сектор недофинансировался; Си Цзиньпин в начале своего правления планировал перевооружать Китай в течение двадцати лет, закончив к 2035 году.

Автомобильное производство остаётся ключевым показателем производственной мощи, поэтому оно является косвенным, но объективным индикатором изменения как соотношения сил, так и военного потенциала их производственного аппарата. На это указывает и Дин Ган, аналитик Института Чунъян, в своей статье в *Global Times*, хотя и поддерживая при этом иллюзию, что Китай действует «мирными средствами»: беспрецедентный рост китайского производства автомобилей в условиях открытого рынка – это ключ к пониманию «современной глобализации». Расцвет китайского автомобилестроения «является очевидной и неизбежной частью глобализации, тенденции, которая до сих пор определялась преимущественно западными промышленными державами»: «Китай сжал сотни лет западной индустриализации всего лишь до семидесяти лет. Такое стремительное развитие неизбежно сказывается на глобальной экономике, геополитическом ландшафте, экономических и социальных структурах развитых стран Запада. В результате эти страны вынуждены вносить системные коррективы».

Попытка ограничить доступ китайской промышленности на мировые рынки проистекает из «нежелания» принять «путь к процветанию» Китая: если его восхождение «расширяет глобальную экономику, почему бы китайскому народу не претендовать на более значительную долю? Глобализация, в которой последние 500 лет доминировал Запад, претерпевает значительные изменения. Не будучи готовым к таким переменам, Запад с трудом принимает тот факт, что его устоявшаяся практика извлечения максимальной выгоды для себя должна быть изменена».

Трудно найти более явное выражение того, как, по мнению Пекина, возросшие силы китайского автопрома и промышленности в целом вскрывают

суть кризиса старого порядка. В остальном Китай не только приближается к трети мирового объёма производства, но это происходит с очень быстрым ростом технологического уровня. По данным Международной федерации робототехники, всего за пять лет, с 2017 по 2022 год, Китай почти в четыре раза увеличил концентрацию промышленных роботов – со 100 до 390 на 10.000 работников обрабатывающей промышленности, что не только близко к показателям Германии (415) и Японии (400), но уже значительно выше, чем в США (280). По оценкам, из общего числа роботов в мире на конец года, в Китае эксплуатируются около 40 процентов – 1,7 миллиона из 4,3 миллиона по всему миру.

За последние четверть века в мировой автомобильной индустрии наметились три основные тенденции – в Европе, Америке и Китае. Мы приведём несколько аспектов, освещающих их стратегические и политические рамки; полный анализ можно найти в статьях и книгах Франко Палумбери, который следит за развитием отрасли с 1980 года именно по причине её центральной и образцовой роли в борьбе между империалистическими державами.

Европа. С расширением ЕС на восток европейские группы и, в частности, немецкий промышленный комплекс переместились в эти регионы; в 2010 году мы подсчитали, что 20 % рабочей силы в этом секторе теперь находится в Восточной Европе («Восток и Запад в параболу империалистического реформизма» // Бюллетень «Интернационалист». № 104. Июль 2010). Тенденция сохраняется: в последнее время делокализация и рост производства для местной моторизации затронули и соседей, не входящих в ЕС, – на Балканах в Сербии, и во внешнем периметре Средиземноморья в Марокко и Турции. Падение непосредственно европейского производства с 2000 по 2023 год, с 17,3 до 13,9 миллиона автомобилей, сопровождалось ростом производства на её ближайшей периферии, примерно по 500.000 автомобилей в Сербии и Марокко и 1,1 миллиона в Турции, так что расширенный ЕС в его балканско-средиземноморском внешнем круге сократил падение с 3,4 до 1,3 миллиона.

Пока неясно, когда цикл моторизации в новых регионах Восточной Европы и балканско-средиземноморской периферии запустит процессы реструктуризации и на этих рынках, – точно так же, как по мере развития будет сокращаться разрыв в оплате труда со Старой Европой. Марокко всё ещё находится в самом начале этого пути: 70 автомобилей на 1000 жителей; Турция дальше – 144 автомобиля, но Польша уже достигла показателя 700 на 1000: это один из самых высоких показателей в ЕС наряду с Италией, даже если он может быть искажён за счёт налоговых уловок компаний, которые зарегистрированы в Польше, но работают в других странах.

Америка. Вслед за кризисом 2008 года или даже одновременно с ним в США ускорилось уже имевшее место явление – перенос производств или развитие новых заводов в южных штатах и в Мексике, в то время как традиционно этот сектор был укоренён в Детройте в форме трёх крупных исторических американских автоконцернов, General Motors, Ford и Chrysler. Тогда же, в 2010 году, по оцен-

кам, 20 % работников автомобильной промышленности США работали в южных штатах, тогда как сегодня эта доля выросла примерно до 35 %.

Что касается Мексики, то НАФТА вступила в силу как зона свободной торговли в 1994 году. Хотя уровень интеграции был ниже, чем на едином рынке ЕС, процесс шёл параллельно с расширением ЕС на восток. Как ЕС в 1990-е годы добился создания на востоке своего рода *особой зоны* по китайскому образцу, с зарплатами, которые ещё в 2010 году были вдвое ниже, чем в пятнадцати странах прежнего ЕС, так и США поступали с Мексикой и в некоторой степени с южными штатами, на которые не распространялись условия детройтских контрактов. В целом, роль Восточной Европы и НАФТА-Мексики в европейской и американской реструктуризации сопоставима: Восточная Европа достигла 4,2 млн автомобилей против 9,7 в Старой Европе; Мексика – 4 млн против 10,6 в США.

Китай. Из этих трёх тенденций по-настоящему потрясающим основы является вторжение китайского автопрома. Сначала века доля Пекина в мировом производстве автомобилей выросла с 2,1 до 32,2 %. Мировой объём производства вырос на 60 %, с 58,5 до 93,5 миллионов, но из этих добавленных 35 миллионов 28,1 (80 %) произведены в Китае. Само собой разумеется, что подвижки в мировом производстве колоссальны: Китай производит столько же, сколько ЕС и НАФТА вместе взятые: 30,2 миллиона автомобилей против 13,9 у Европы и 16,1 у Северной Америки. Это означает резкое сокращение относительной доли трёх крупных регионов, которые доминировали в автомобильном производстве, и именно на этом заостряет внимание Дин Ган: в то время как Китай получил дополнительно около 30 % мирового рынка, старые автомобильные державы сократили свой вес почти вдвое. ЕС пережил спад с 28,3 % рынка до 14,8 %, то есть, на 13,5 процентных пункта (п. п.); NAFTA с 30,3 % до 17,3 %, также на 13 п. п.; Япония с 17,4 % до 9,6 %, на 7,8 п. п.

В декабре 1998 года в статье «Нефть, автомобили и азиатский кризис» мы рассматривали исследование ООН, в котором порог начала массовой автомобилизации определялся размером ВВП в 4–5 тысяч долларов США по паритету покупательной способности. В 1950-х годах в Италии на 1000 жителей приходилось 30 автомобилей, в середине 1960-х – 120, а в 1973 году, накануне нефтяного шока и кризиса реструктуризации, – 240. Прогнозировалось, что автомобильный цикл станет одной из самых крупных ставок «в противостоянии по поводу либерализации Индии и членства Китая в ВТО, одной из важнейших площадок для интернационализации азиатских гигантов». В 2021 году Китай достиг уровня 214 автомобилей на 1000 жителей; по прогнозам, ежегодный рост производства составит до 40 миллионов автомобилей, а через десятилетие он достигнет уровня 500 автомобилей на 1000 жителей и парка в 700 миллионов.

Необходимо принять во внимание три соображения. Первое заключается в том, что, конечно, роль Восточной Европы, Мексики и южных штатов была решающей в процессах реструктуризации в течение прошедшей четверти века. Но эти две тенденции – всего лишь

доля по сравнению с эпохальным потрясением, вызванным вторжением Китая. С 2000 по 2023 год Восточная Европа увеличила производство на 2,7 миллиона, а Мексика – на 2,1 миллиона, но прирост в каждой из этих двух областей составляет порядка *одной десятой* от 28,1 миллиона, на которые увеличилось производство китайского автопрома.

Второе соображение касается крупных автомобильных концернов, чья динамика не совпадает с тенденциями в их родных регионах. Это глобальные группы; в борьбе этих двух десятилетий некоторые из них выиграли больше других от расширения мирового рынка и, в частности, от взрывного роста китайского рынка. General Motors и Ford сильно ослабли; три немецких производителя – Volkswagen, BMW и Daimler, японская Toyota и корейская Hyundai – не захвачены относительным спадом своих регионов.

Третье соображение касается сражения за электромобиль, которое в определённой степени меняет итоги борьбы последних двух десятилетий. По данным AlixPartners, в 2017 году западные концерны занимали 57 % китайского рынка, сейчас их доля составляет 35 % и будет снижаться и дальше. Именно те, кто своими капиталами и совместными предприятиями в Китае способствовал развитию автомобилизации Поднебесной, сегодня страдают от конкуренции с её стороны: их обошли в сражении за электромобиль и прижимают в ценовой войне.

Центры европейского империализма разделились по поводу протекционистских тарифов против китайского автопрома, которые также являются оружием переговоров за долю рынка; в ЕС борьба между группами автопрома и между ними и теми, что производят электромобили, нарушила настройки и темпы *Зелёного курса* – вопроса, который сейчас находится в центре политических столкновений в Брюсселе в связи с новой Еврокомиссией. Volkswagen планирует закрыть три завода; генеральный директор Stellantis видит начало «дарвинистского момента».

Сегодня мировое сражение в автопроме связывает различные плоскости борьбы держав с неопределённостью и колебаниями политико-электоральных циклов и с реструктуризацией, которая затрагивает сотни тысяч пролетариев. Имеются все условия для дистилляции ядов социал-империализма и протекционизма, а также их последующей инъекции нашему классу. Понимание того, как европейский, американский или японский империализм движется в противостоянии вторжению китайского империализма, необходимо именно тогда, когда интернационалистская борьба переплетается с защитой интересов нашего класса. Понимание Цилина, Шэньчжэня, Шанхая, Чунцина или Уханя, новых столиц китайского автопрома, жизненно необходимо в Вольфсбурге, Мирафьори или Пуасси. Точно так же, именно потому, что вторжение Китая лежит в основе *войн кризиса порядка*, которые приводят в движение смертоносные идеологии, интернационалистская стратегия для всего нашего мирового класса является жизненно важной. Жизненно необходима *партия-наука, партия-стратегия*.

Lotta comunista, октябрь 2024 г.

1 – «Полис. Политические исследования», № 5/2024.

Нобелевская премия за лучшую оболочку

Интерес к исследованию источников богатства наций и экономического неравенства между странами и их гражданами был основной движущей силой политической экономии со времён её основателей, ставших выразителями интересов буржуазии в её борьбе против господствующего класса феодального общества – дворянства. Когда буржуазия завоевала политическую власть во Франции и Англии, эти голоса затихли и началась педантская и путанная болтовня вульгарных экономистов, прислуживающих новым хозяевам государств. Наука же Уильяма Петти, Адама Смита, Давида Рикардо была тщательно собрана Марксом, объединена с философией Гегеля и стала отправной точкой теории и борьбы нового революционного класса. Кризисы, следовавшие за послевоенными «славными тридцатилетиями», или «экономическими чудесами», унитарного империализма, предоставили учёным и начинающим реформаторам множество причин для изучения неравенства и новой географии капиталистического развития.

В этом году Нобелевская премия по экономике была вручена трём учёным, работающим в области политической экономии и экономической истории: турецкому экономисту и профессору Массачусетского технологического института (MIT) Дарону Аджемоглу, английскому экономисту из MIT и бывшему экономическому руководителю МВФ Саймону Джонсону и английскому экономисту из Чикагского университета Джеймсу Робинсону (все трое – натурализованные американцы). Шведская королевская академия наградила их за «исследования того, как формируются институты и как они влияют на процветание». Как пишет шведский комитет, они помогли нам понять «различия в благосостоянии между нациями», и это направление исследований уже было удостоено Нобелевской премии в 1993 году: её получил американец Дуглас Норт за использование количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений.

Богатство и институты

В обосновании присуждения премии Нобелевский комитет отмечает, что ожидания снижения неравенства в распределении мирового богатства не оправдались: «мы не наблюдаем такого сближения доходов на душу населения во всех странах», беднейшие 50 % населения во всём мире зарабатывают менее 1/10 совокупного дохода и обладают лишь 2 % чистого богатства. Трое награждённых экономистов считают, что обнаружили причину такого неравенства. Нобелевские комиссары пишут: «Главный принцип их исследований заключается в том, что богатство наций фундаментально формируется политическими институтами. То есть существует иерархия институтов: политические институты влияют на экономические, а те в свою очередь влияют на [экономические] результаты». Прежде всего, эти трое учёных помогли понять, почему «одни страны принимают институты, благоприятствующие экономическому росту, а другие нет».

Всё началось с волны европейского колониализма, прокатившейся по всему земному шару. Америка и Карибский бассейн были колонизированы в XVI веке. Колонизация Южной Азии, Восточной Азии и Тихого океана началась в XVII веке. С середины XIX века быстро распространилась колонизация Среднего Востока и Северной Африки. В конце XIX века колониализм проник в Африку к югу от Сахары.

Два колониализма

Трое экономистов в исследовании 2000–2001 гг. «*The Colonial Origins of Comparative Development*» указывают на два фундаментальных типа колониализма, связанных с разным уровнем трудно-

стей, сопровождавших его установление. Определяющими факторами были, прежде всего, состояние здоровья и уровень смертности среди колонистов (из-за малярии, жёлтой лихорадки, желудочно-кишечных заболеваний) и, во вторую очередь, – сложившиеся демографические условия. Там, где приходилось сталкиваться с сопротивлением многочисленного местного населения, а болезни были более смертоносными, колонизаторам приходилось прибегать к более активному принуждению, чтобы закрепиться. Основу исследования 2001 года составляют таблицы смертности, взятые из медицинских записей английских солдат XIX века, из записей о смертях в военно-морских эскадрах и из записей о смертности епископов в Латинской Америке между 1604 и 1876 годами, зафиксированной в документах Ватикана. Наиболее смертоносные для поселенцев районы препятствовали стабильному поселению и требовали постоянной замены гарнизонов. По оценкам, в Кот-д’Ивуаре, Гане, Гамбии, Мадагаскаре, Мали, Нигерии и Того уровень смертности превышал 500 человек на тысячу.

Два типа колониализма характеризуются, в общем, двумя разными типами институтов. «С одной стороны, европейские державы создали «добывающие государства», примером чего является бельгийская колонизация Конго». Её главной целью было извлечь большую часть ресурсов колонии и «как можно быстрее» передать их стране-колонизатору. Методы эксплуатации соответствовали цели: рабство, репрессии, минимальная защита частной собственности, отсутствие гарантий от государственной экспроприации. «В полностью противоположных случаях [...] колонисты стремились воспроизвести европейские институты, уделяя большое внимание частной собственности и сдерживанию государственной власти. Основные примеры – Австралия, Новая Зеландия, Канада и США». Здесь оценка смертности поселенцев колеблется от 9 до 16 человек на тысячу, а колонизация создала «инклюзивные институты».

Долгосрочные тренды и революция

До этого момента мы говорили лишь о предпосылках. Основной тезис заключается в том, что влияние этих институтов было настолько всеобъемлющим и глубоким, что даже после окончания колониализма правительства сохраняли, с некоторыми вариациями, характеристики колониальных институтов. Это тезис многовекового «существования институтов». «Инклюзивные государства» расширили права собственности на массы, что является основным условием для внедрения инноваций, получения инвестиций и роста благосостояния. «[Хорошие] экономические институты в США стали следствием работы политических институтов, которые складывались постепенно, начиная с 1619 года», – читаем мы в самой известной книге Аджемоглу и Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные», вышедшей в 2012 году¹. «Добывающие государства» в той или иной степени рекомендовали себя как олигархии нескольких семей или коррумпированные сатрапии, посвятившие себя накоплению личных состояний, не поддающиеся верховенству закона и не стремящиеся к экономическому развитию своей страны. Они боятся технологичной современности из-за неизбежных изменений и разрушения вековых балансов, которое она вызывает. Авторы исследования и члены Нобелевского комитета считают доказанным, что «даже после обретения независимости [...] влияние на долгосрочное процветание может быть вполне верной точкой зрения с типом институтов, выбранных колонизаторами».

Ту же причинно-следственную связь, отводящую роль источника экономиче-

ского развития политическим институтам, авторы распространяют и на метрополии. В цитируемой книге либеральные институты, возникшие в результате английской Славной революции 1688 года, являются лоном, в котором сформировалась промышленная революция, «не случайно» произошедшая именно в Англии. В свою очередь, Славная революция и её инклюзивные институты стали возможны благодаря двум политическим условиям: централизованному государству и «широкой и мощной коалиции» (то есть компромиссу буржуазии с дворянством), ограничившей полномочия монархии. Отметим, что неявное противопоставление якобинскому пути Французской революции выдаёт неполное понимание Славной революции – неполное с точки зрения европейских процессов.

Демократы и модернизаторы

Английская промышленная революция была одним из двигателей Французской революции, но именно Англия с её компромиссом (между буржуазией и дворянством) и промышленной революцией, как только достигла господства над мировым рынком, стала «скалой, о которую разбиваются революционные волны»² в Европе, подытожил Маркс после 1848 года. За английским ускорением в XVIII веке последовали потерянные для Европы десятилетия XIX века (от наполеоновских войн и до национального объединения Германии и Италии). В то же время бывшие колонии в Америке напрягали все свои силы, чтобы занять место старой родины на мировой арене.

Аджемоглу утверждает, что тезис о первостепенной важности политических институтов подчёркивает роль демократии. Этим он явно спорит с «теорией модернизации» покойного американского социолога Сеймура Мартина Липсета, который в 1960 году выдвинул тезис, что именно экономическая модернизация более или менее прямо ведёт к демократизации. Судя по всему, Липсет подразумевал, что экономическая модернизация станет средством борьбы с расовой дискриминацией в Соединённых Штатах, а не обернётся линией на разрядку по отношению к СССР. Но всё равно он счёл свою теорию подтверждённой распадом «советского» империализма тридцать лет спустя, так как тот оказался неспособен модернизироваться. По мнению Аджемоглу, эта теория вводит в заблуждение, поскольку подпитывает оптимистическую веру в то, что экономическое развитие может привести к демократии и Китаю. Ни одна реформистская или демократическая теория в эпоху империализма не является нейтральной. Каждую из них присваивает себе тот или иной империализм, или же они прямо предлагают себя в услуги. С другой стороны, Аджемоглу признаёт, что Китай, который на протяжении тридцати лет бурно развивается, не прибегая к англосаксонским «инклюзивным институтам», бросает вызов его теории.

Демократия как лучшая оболочка

Некоторые положения Аджемоглу кажутся близкими марксистским тезисам. Демократия – это лучшая оболочка капитала, говорил Ленин. Империализм несёт в мир не только капиталистическую эксплуатацию, но и капиталистическое развитие, также всегда говорил Ленин. Но остерегайтесь оптических иллюзий. Для марксизма именно капитал в своих процессах молекулярного развития и концентрации разрушает архаичные формы производства, феодальные и крепостные институты и производит политический плюрализм и разделение властей, необходимые для выражения плюрализма буржуазных фракций и капиталистических групп. Демократия – наилучшая оболочка капитала, потому что она позволяет осуществить макси-

мальное развитие производительных сил, максимальное развитие мирового пролетариата, максимальное развитие классовой борьбы. Различные условия, с которыми сталкивались колониальные державы на разных широтах, представляли собой первые проявления неравномерности развития в глобальном масштабе. Капитал рождается во всём мире, пишет Арриго Черветто. Колониализм – это первое практическое воплощение родового свойства капитала. Различные колониальные институты лишь воспроизводят – в более или менее хищнических и кровавых формах – процессы первоначального накопления, происходившие в Европе и описанные Марксом в «Капитале».

Репрессивные правительства обязаны своей устойчивостью миру империализма, империалистическому разделу сырья, процветающему рынку оружия. Каждый империализм поддерживает местные олигархии, налоговые убежища и мясников-наёмников. И нет такой демократии, которая сегодня не пытается остановить миграцию из бывших колоний, несмотря на наступающую повсюду демографическую зиму.

С упорством Дюринга

На основные тезисы Аджемоглу уже ответили Энгельс в «Анти-Дюринге» и Маркс в предисловии к работе «К критике политической экономии». Дюринг утверждал: «Форма политических отношений есть исторически фундаментальное, хозяйственные же зависимости представляют собой только следствие»³. Энгельс отвечал, что «производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя»⁴. Маркс утверждал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания»⁵.

В письме Йозефу Блоху (1890) Энгельс уточняет, что утверждение о том, что «в историческом процессе определяющим моментом в конечном счёте является производство и воспроизводство действительной жизни», не означает, что «экономический момент является будто единственно определяющим моментом»⁶, и предлагает молодому Блоху прочитать «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркса, которое считает в «особенности великолепным образцом» анализа того, что «история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей» и что «имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно»⁷.

Lotta comunista, октябрь 2024 г.

1 – Цит. по русскому изд.: Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. С. 53.

2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 6. С. 159.

3 – Там же. Т. 20. С. 162.

4 – Там же. С. 278.

5 – Там же. Т. 13. С. 6–7.

6 – Там же. Т. 37. С. 394.

7 – Там же. С. 395–396.

Европейские хроники

Обмен суверенитета на деньги и денег на реформы

Разве Марио Драги в своём докладе о конкурентоспособности Европы не предлагает в конечном итоге передать часть суверенитета от государств-членов ЕС европейским институтам в обмен на финансирование? Речь идёт о размене суверенитета на деньги?

«Суверенитет на деньги»

«Ну, если вы думаете, что «суверенитет» означает наличие крошечных компаний, которые не способны или даже не пытаются расти, потому что слишком ограничены пространством [своего рынка], в этом смысле да, это обмен», — ответил сам Драги 30 сентября во время встречи в Брюсселе, организованной мозговым центром Брейгель.

Понимая, что выражение «обмен суверенитета на деньги» может оскорбить определённые чувства, Драги добавил, что не стал бы применять это выражение, но предпочёл бы подчеркнуть, что «все наши страны слишком малы, чтобы противостоять масштабу нынешних проблем». Вот почему «концепция суверенитета, лежащая в основе этих отношений, — это европейский, а не национальный суверенитет». Это вопрос необходимости, ведь «всё, что мы видим сегодня, показывает, что национальный суверенитет слишком слаб. Это слишком слабая концепция».

«Качество», которого не хватает национальным государствам, — это «масштаб», объяснил бывший председатель Европейского центрального банка и Совета министров Италии. В этом «новом геополитическом контексте» размер ЕС является «единственным масштабом, подходящим для решения текущих задач». Поэтому, по мнению Драги, необходимо избегать создания 27 национальных промышленных стратегий и создать одну — общую для всего ЕС, финансирование которой будет контролироваться на европейском уровне. Именно в этом духе централизации на континентальном уровне Еврокомиссия Урсулы фон дер Ляйен предложила реформировать семилетний бюджет ЕС — Многолетнюю финансовую рамочную программу (Multiannual Financial Framework, MFF).

«Деньги на реформы»

Его текущий объём равен примерно 1 % ВВП ЕС, или 1,27 трлн евро за семь лет, 2/3 которых связаны с финансированием сельского хозяйства (Common Agricultural Policy, CAP) и поддержкой бедных регионов (фонды сплочения). Переговоры по следующему бюджету на период 2028–2034 гг. начнутся в 2025 году, и государства-члены должны будут утвердить его единогласно к концу 2027 года.

Европейская пресса опубликовала внутреннюю записку Еврокомиссии, описывающую план радикальной реформы бюджета на 2028–2034 гг. и предполагающую, что CAP и фонды сплочения исчезнут в их нынешней форме. Идея Еврокомиссии, пишет *Nachrichten* от 8 октября, состоит в том, чтобы построить новый бюджет на следующих четырёх столпах: внешняя политика, конкурентоспособность, администрирование и субсидии государствам-членам. Помощь Украине станет частью первого направления, а второе объединит дюжину фондов, связанных с научными исследованиями, цифровыми технологиями, конкурентоспо-

собностью и обороной. Третий столп будет касаться операционных расходов европейских институтов, а четвёртый — всех платежей ЕС странам-членам, касающихся сельского хозяйства, сплочённости, транспорта, энергетики, иммиграции и так далее. Таким образом, сотни европейских программ и фондов будут заменены единым взносом, который будет выплачиваться столицам. Затем государства-члены смогут потратить эти деньги в соответствии с планом, который будет согласован с Брюсселем. Эти субсидии отныне будут зависеть от выполнения условий: деньги, полученные от Брюсселя, будут привязаны к реформам и измеримым целям. По сообщению *Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ)* от 7 октября, таким образом Еврокомиссия обобщит практику обмена «денег на реформы», с которой она уже экспериментировала, распорядившись фондом «Next Generation EU», направленным на восстановление после пандемического кризиса.

Ещё один элемент централизации, содержащийся в записке Еврокомиссии, касается бюджетного контроля. На сегодняшний день любые изменения в семилетних финансовых рамках должны быть одобрены странами-членами в Европейском совете и Европарламенте. В записке же полномочия по внесению изменений в бюджет без необходимости одобрения со стороны государств-членов или Европарламента предлагается передать «ядру» Еврокомиссии. Это может ослабить не только Европарламент, но и европейские министерства (называемые в Брюсселе «генеральными управлениями»), поскольку в работе этого ядра будут участвовать только те, кто отвечает за бюджет, то есть генеральный секретариат и председатель Еврокомиссии (*Politico.eu*, 5 октября). С другой стороны, записка также содержит элементы, которые могут понравиться национальным правительствам.

Конец «Европы регионов»?

В настоящее время европейское финансирование за счёт CAP или фондов сплочения обычно выплачивается ЕС непосредственно получателям. Если план Еврокомиссии будет принят, то эта практика прекратится, а все средства четвертого уровня будут поступать в национальные бюджеты. В ходе переговоров с Еврокомиссией по поводу своего плана расходов отдельные правительства получают некоторую свободу решать, какую часть этих европейских фондов направить на сельское хозяйство, транспортную инфраструктуру, электросети и т. д. Такое вмешательство государств-членов ЕС в цепочку между источником европейских средств и их получателями, естественно, вызывает сопротивление.

Если ЕС больше не будет выплачивать помощь напрямую, то решение проблем фермеров останется «на усмотрение государств», и это создаст серьёзные различия в условиях конкуренции, жалуются Бернхард Крускен, генеральный секретарь Ассоциации немецких фермеров. Манфред Пентц, глава отдела европейских дел в региональном правительстве Гессена, с осуждением отметил, что девиз «деньги на реформы» является не чем иным, как «кнутом, который Европейская комис-

сия использует для доминирования над государствами-членами» (*FAZ*, 8 октября). До сих пор немецкие земли могут напрямую использовать средства, которые они получают из Брюсселя, но, по предложению Еврокомиссии, в будущем распределением этих средств будет управлять Берлин. То же самое происходит и в других странах. Города и регионы опасаются усиления столиц в ущерб местной власти.

Это станет серьёзным ударом по идеологии «Европы регионов» — теоретизированию насчёт преодоления национального государства путём объединения крупных регионов в европейскую федеративную единицу. Эти идеи имеют больше всего последователей в Германии и среди движений за независимость, например, в Италии, Испании и Бельгии. Но в случае Германии популярность такого типа федералистских и «постнациональных» теорий имеет иные причины, чем в случае с сепаратистскими регионами. После того, как империалистическое восхождение Германии дважды способствовало разрушению Европы, интеграция в наднациональный Европейский союз предложила иную структуру полного «национального суверенитета», посредством которой страна могла снова отстаивать свои интересы в мире. Вместо этого в других европейских странах, где идея национального суверенитета была укоренена более глубоко, а нынешний нарратив изображал их нации победившей стороной в мировых войнах, эта европейская интеграция иногда воспринималась как печальная необходимость, доказательство национального упадка. Неслучайно концепцию «Европы отечеств» высказывал Шарль де Голль. Что касается бюджетной реформы, предложенной Еврокомиссией, то она соответствует модели ЕС как «федерации национальных государств».

Следующая политическая битва

Политическая битва за укрепление центра этой федерации ведётся на нескольких уровнях. Одним из них является реформа механизмов финансирования, которая неразрывно связана с изменением размера имеющихся средств. Почти никто не считает, что нынешнего бюджета ЕС будет достаточно для выполнения будущих обязательств, таких как погашение долга, взятого для создания фонда «Next Generation EU», и гипотетическое членство Украины. Не говоря уже об огромных инвестициях, рекомендованных в докладе Драги. Победа Драги и фон дер Ляйен в этих боях — далеко не данность. В прессе комментарии об их амбициях противоречивы.

Одни утверждают, что нынешние разногласия между Францией и Германией и их внутренние трудности сделают невозможным проведение крупных реформ в ЕС. Напомним, что доклад Жака Делора 1989 года сумел привести к Маастрихтскому договору и созданию Экономического и валютного союза в 1992 году, прежде всего благодаря поддержке, которую Делору обеспечили Франция и Германия. Другие же считают, что существует возможность найти движущую силу, альтернативную франко-германской оси. Так,

Мартин Сандбу из *Financial Times* предложил создать «коалицию желающих стран», состоящую из стран Северной Европы, стран Балтии и некоторых стран, объединившихся много лет назад в «новый Ганзейский союз», таких как Нидерланды и Ирландия. По мнению Сандбу, это стало бы средством выхода из «парадоксального тупика», в котором оказался ЕС: почти все согласны с большинством рекомендаций доклада Драги, но «никто не ожидает, что государства-члены достигнут соглашения о введении общего суверенитета и выделении ресурсов, необходимых для его реализации» (*Financial Times*, 7 октября).

В этой идее, поступившей с другого берега Ла-Манша, список названных стран напоминает список членов Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), созданной Великобританией в 1960 году в качестве конкурента Европейского экономического сообщества. Даже если предложение Сандбу и несёт в себе следы специфически британского мышления, то первой страной, представившей конкретное предложение в этом направлении, была Испания. В начале октября Мадрид выдвинул идею нового механизма, который позволил бы небольшой группе стран предпринять шаги в направлении создания Союза рынков капитала (*Financial Times*, 8 октября). Наконец, самые оптимистичные голоса рассматривают даже возможность того, что Еврокомиссии будет легче навязывать свои инициативы благодаря нынешним политическим и экономическим трудностям в Париже и Берлине.

Под давлением кризиса порядка и уже вызванных им локальных конфликтов европейский империализм пытается решить проблему дефицита централизации. В какой форме, в какой степени и каким путём эта цель будет достигнута, решат политические бои, в которых будет участвовать европейская буржуазия в ближайшие годы. Время поджигает, но результат всё ещё неизвестен.

Lotta comunista, октябрь 2024 г.

Ренато Пасторино
Беспрецедентная задача

184 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-3-8

Цена 200 руб.

Российские хроники

Обыкновенный капитализм

Антониу Гутерриш, генеральный секретарь ООН, организации, в преамбуле Устава которой указано на стремление «избавить грядущие поколения от бедствий войны», 23 октября в Казани пожал руку Владимиру Путину, президенту России, развязавшей 24 февраля 2022 года самую кровопролитную на территории Европы войну после второго мирового империалистического конфликта. Абсолютное большинство буржуазных политических экспертов и говорящих из телевизора голов не без оснований увидели в этом успех дипломатии Кремля. Лишь украинское руководство и некоторые представители российского либерализма выступили с обличением этого факта.

Каждая из противоборствующих сторон хотела бы скорейшего окончания войны, но на своих условиях. Поскольку эти условия на данный момент не достигнуты, а силы противоборствующих сторон не исчерпаны, война продолжается. Вместе с тем продолжается капиталистическое развитие, растут заказы и прибыли ВПК и связанных с ним отраслей экономики, не прекращается торговля между воюющими странами. Гибель же и страдание детей, женщин, стариков, а также загнанных деньгами или угрозами в окопы пролетариев скрываются туманом войны и засекречиванием статистики. Ничего нового, обыкновенный капитализм.

Единство
и раскол капитала

Международное объединение капиталистов – так в программе РКП(б), принятой в марте 1919 года, была названа Лига наций, организация – символ Версальско-Вашингтонского мирового порядка, возникшего на руинах первого мирового империалистического конфликта. Этот картель капиталистов просуществовал до 1946 года. Он пытался, но не сумел урегулировать ни одной из локальных войн того времени и тем более был не способен предотвратить вторую мировую империалистическую войну. Почему? 21 декабря 1920 года в докладе на VIII Всероссийском съезде Советов Ленин дал исчерпывающее объяснение: «С одной стороны, Англия с Францией находятся в Лиге наций и обязаны действовать вместе, с другой стороны, при всяком обострении, они вместе не действуют»¹. Капиталисты всех стран едины в эксплуатации пролетариата, изъятии прибавочной стоимости, но они безнадежно расколоты, когда дело доходит до присвоения, раздела этой самой прибавочной стоимости. Именно этот чисто экономический аспект лежит в основе того, что борьба за рынки, сферы влияния делает неизбежными войны между империалистическими государствами.

Международное объединение капиталистов было настолько расколото своими частными интересами, что не смогло объединиться даже перед лицом смертельной для себя опасности – Советской России и Коминтерна. Противоречия империалистических держав не только позволили большевикам победить в гражданской войне и противостоянии с иностранными интервентами, но и дали возможность противостоять экономической блокаде.

Ограничимся лишь одним примером. 21 июля 1922 года в Лондоне состоялась встреча представителей большой нефтяной «тройки»: Вальтера Тигла (Standard Oil Company of New Jersey), Генри Детердинга (Royal Dutch Shell) и Густава Нобеля (Branobel). Участники совещания договорились создать «еди-

ный нефтяной фронт» против большевиков. В сентябре того же года к ним присоединились 15 английских, французских, русских, бельгийских и других нефтедобывающих компаний. Но в том же самом месяце трест «Азнефть» заключил концессионный договор с International Barnsdall Corp. (США) на разведку и организацию эксплуатации нефтеносных месторождений в Советской России, а уже в начале марта 1923 года в Москву для ведения переговоров прибыл представитель Standard Oil. Позднее на сделку с Нефтеиндустрией, созданным в июле 1922 года для реализации принципа монополии внешней торговли, пошёл и ярый антикоммунист Детердинг.

Западные нефтедобытчики оборачивали в идеологическую форму стремление вытеснить с мирового рынка советскую нефть. Это закончилось провалом. Уже в 1924–1925 хозяйственном году СССР почти в полтора раза превысил уровень экспорта 1913 года, что стало наглядной демонстрацией ограниченных возможностей мирового капитала, раздираемого конкуренцией, перед лицом политики Москвы.

Бакинское дежавю

17 октября в немецкой газете *Die Zeit* был опубликован материал о том, что 20 октября в столице Азербайджана Баку на неофициальном уровне должна пройти российско-германская встреча. Более того, еженедельник сообщал о том, что это уже не первая встреча, первая состоялась в апреле этого года. Цель, читаем в издании, состоит в обсуждении послевоенных отношений. Участниками с российской стороны называются Виктор Зубков, Валерий Фадеев и Михаил Швыдкой.

Зубков давно входит в «обойму Путина» – ещё в 1991–1993 годах он был его заместителем в Комитете по внешним связям мэрии города Санкт-Петербурга. В 2001 году возглавил только что созданный координационный комитет российско-германского форума «Петербургский диалог», одного из символов европейского курса внешней политики Кремля. Фадеев сегодня занимает пост председателя Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Его биография тесно связана с такой значимой фигурой современной российской истории, как Олег Дерипаска. В 1998–2017 годах Фадеев являлся генеральным редактором журнала «Эксперт» (сейчас это кресло занимает его жена Татьяна Гурова) – рупора российской «промышленной партии». На первом этапе финансовую поддержку изданию оказывал владелец «Норильского никеля» Владимир Потанин, а в 2006 году блокирующий пакет акций приобрёл Олег Дерипаска, председатель совета директоров РУСАЛ. Фадеев, кроме прочего, входит в попечительский совет созданного Дерипаской благотворительного фонда «Вольное дело». Швыдкой – спецпредставитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству. Его подъём по карьерной лестнице связан с фигурой первого российского президента Бориса Ельцина. В ноябре 1990 года он инициировал публикацию пьесы, посвящённой борьбе последнего против *ретроградов* из Политбюро КПСС. В 2012 году Швыдкой, как и большинство в Кремле, утверждал, что придерживается либеральных взглядов, в 2020-м поддержал поправки в Конституцию, а в 2022-м назвал втор-

жение на Украину важным историческим моментом развития России.

Нам не удалось найти достойных внимания подтверждений российско-германских контактов, но глубокие экономические связи Москвы и Берлина, а также исторический опыт заставляют предположить, что даже в условиях войны на Украине существуют силы, заинтересованные в восстановлении энергетического *Рапалло*. Не противоречит этому и выбор российских переговорщиков – это послушные орудия Кремля, *путинские лоялисты*, но при этом умеренные сторонники *европейского курса*. В условиях кризиса мирового порядка Кремль пытается использовать в собственных интересах любые, даже малейшие противоречия между своими конкурентами на международном уровне; *идеологические оттенки* собственного правящего класса, его сильные, а зачастую и слабые стороны выступают орудиями, используемыми *ad hoc* («для данного случая»).

Поучительным является опыт столетней давности. Тогда проигравшая в первой мировой войне Германия рассчитывала путём сепаратных переговоров с Советской Россией получить значительные выгоды. Большевики же, пишет историк Валерий Шишкин, «стремились прорвать единый фронт капиталистических держав и заключить приемлемые договоры с некоторыми из них». Переговоры с Германией велись с января 1922 года. Изначально «*правящие круги Германии не были готовы к каким-либо действиям, которые противостояли бы «русской политике» держав-победительниц*». Более других этому противился либерально настроенный министр иностранных дел Вальтер Ратенау, но при этом он не мог запретить немецким капиталистам «*идти в Россию*». В то же время «*опасения, что западные державы заключат без участия Германии соглашение с Россией*», и ещё в большей мере «*боязнь остаться в полной изоляции*», а также «*стремление обеспечить себе более прочные позиции по отношению к Западу благодаря «восточной карте»*» заставили Ратенау пусть и «*скрепя сердце*» подписать Рапалльский договор («*Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму*». Очерк истории»). СПб., 2002.).

Свою роль сыграло и давление сторонников восточной ориентации германской внешней политики, таких как Гельмут фон Мальтцан. Это был не первый случай, когда этот немецкий аристократ, вероятно, не желая того, оказал неоценимую услугу пролетарской революции. В 1917 году он был среди тех, кто поддержал идею Александра Парвуса, благодаря которой появился знаменитый «пломбированный вагон», доставивший Ленина в революционный Петроград.

Четыре России

В 2012 году на фоне *электоральных восстаний* Наталья Зубаревич, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ, указала на то, что взгляд на Россию как на *единое целое* мешает пониманию *реального положения вещей*. В противовес этому она предложила аналитическую схему «*четырёх России*» («*Отечественные записки*» № 1, 2012). «*Первая Россия*» – страна больших городов с населением свыше 250 тысяч человек. В них «*самый разнообразный рынок труда и больше всего высокоопла-*

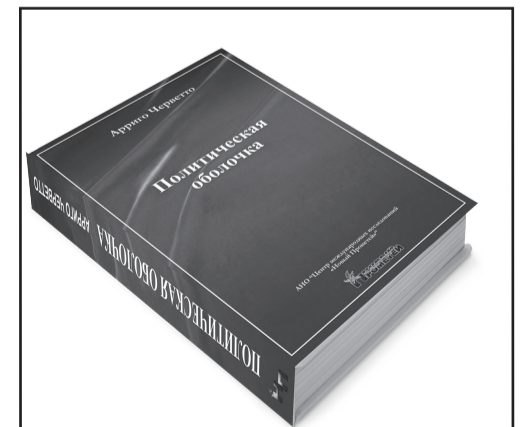
чиваемых рабочих мест», они стягивают основную массу как внутренних, так и внешних мигрантов. Можно предположить, что именно эти города, которые привлекали самую мобильную, самую открытую переменам часть российского пролетариата, дали наибольшую массу молодёжи, покинувшей Россию после начала войны на Украине. «*Вторая Россия*» – страна *промышленных городов* с населением от 20 до 250 тысяч человек. Среди них значительное количество монопрофильных городов, их положение зависит как от роли в разделении труда, так и от географического расположения. «*Третья Россия*» – *огромная по территории периферия*, состоящая из жителей села, небольших посёлков городского типа и малых городов. Там высока доля теневой экономики, бюджетников и пенсионеров. «*Четвёртая Россия*» – это слаборазвитые республики Северного Кавказа и юга Сибири (Тыва, Бурятия и Алтай). Там большая доля сельского населения и самые высокие темпы демографического роста, сохраняется натуральное хозяйство и наиболее сильные этнические и религиозные противоречия.

Эта схема, предложенная оппозиционно настроенным фракциям капитала для понимания различного уровня протестной активности, и сегодня сохраняет свою аналитическую ценность, хотя и требует обновления исходя из современных реалий. Пролетариат не раз использовал в своих целях лучшие научные наработки буржуазии.

Война на Украине стала чертой, которая разделила Россию во времени и в пространстве. Она никогда уже не будет той, что была до февраля 2022 года. Изменился вес российских регионов и секторов промышленности. Произошли серьёзные демографические изменения. Всё это требует тщательного марксистского анализа, без которого невозможно укоренение *партии-стратегии*. Мы живём в тёмные времена для нашего класса, который находится в плену буржуазных идеологий, но история неудержимо идёт вперёд, кризис мирового империалистического порядка увеличивает противоречия и раскол капитализма, открывая бреши для вмешательства революционного меньшинства и ставя человечество перед альтернативой: *коммунизм или варварство*.

Ноябрь 2024 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 42. С. 103.

Арриго Черветто
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБОЛОЧКА

326 страниц, мягкий переплёт,
примечания, биографический
справочник, алфавитный указатель.

ISBN: 978-2-912639-28-8

Цена 250 руб.

Крупные группы российского империализма

Историческая задержка реструктуризации

20 января 1992 г., после распада СССР, было образовано Министерство путей сообщения России. В наследство ему достались 1) модель управления, ориентированная на выполнение внутренних технических показателей и, как следствие, слабо удовлетворявшая клиентов-грузоотправителей, сталкивавшихся с постоянными и массовыми недопоставками грузов; 2) хронически недофинансируемые инфраструктура, локомотивный и вагонный парк и, как следствие, их дефицит. Всё это вело к значительным издержкам для экономики страны в целом и становилось ограничителем роста, что подталкивало комитет по делам буржуазии – правительство – к проведению реформ с целью снижения транспортной составляющей в стоимости продукции.

Неизбежная реструктуризация

В новый цикл империалистического либеризма Россия входила с опозданием в десятилетие относительно темпов западных держав, а железные дороги, в свою очередь, – запаздывали ещё на десятилетие относительно других важных отраслей российской экономики.

Причиной этого стало то, что реструктуризации препятствовала сама сохранившая силы железнодорожная фракция. Впрочем, пишет эксперт ВШЭ Фарид Хусаинов, так почти всегда было и в других странах: «в США железные дороги и профсоюзы были против акта Стаггера (1980 г.), железнодорожники Канадских национальных железных дорог (КНЖД) были против реформ Пола Телье [...], в Японии железнодорожники были против приватизации [...] в 1987 году» (*Железные дороги и рынок: Сборник статей*. М.: Наука, 2015).

У российского железнодорожного лобби оказалось достаточно сил, чтобы добиться осуществления реструктуризации самим министерством и достаточно медленными темпами. В 1995 г. был принят закон «О федеральном железнодорожном транспорте», в котором прямо говорилось: «Железные дороги [...] не подлежат разгосударствлению и приватизации», – а активный переход железнодорожного транспорта из министерства в акционерную компанию начался только в 2001 г. с принятием Программы структурной реформы на железнодорожном транспорте. Этот рубеж и принято считать началом реформ в отрасли.

Железнодорожный этатизм и «судьба государства»

Осенью 2003 г. было учреждено открытое акционерное общество «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД»), а весной 2004 г. упразднено МПС.

Это общество, 100 % акций которого принадлежат государству, всегда являлось одной из крупнейших компаний РФ с наибольшей численностью персонала (701.164 человека) и постоянно входит в наш рейтинг 50 крупнейших групп российского империализма: по итогам 2023 г. его товарооборот составил более 2,5 трлн руб.

Первый президент «РЖД» Геннадий Фадеев в интервью журналу «HR-Партнер» в 2023 г. заявил, что отрасль было необходимо трансформировать «в рыночную структуру, состоящую из множества участников и ориентированную на потребность клиента – пассажира и

грузоотправителя». Напомним, что в начале 1990-х он сам же и препятствовал этому процессу; сейчас, в полном соответствии с нынешней конъюнктурой, он утверждает, что это было оправдано, а врагами были сторонники приватизации – «так называемые младореформаторы, поддерживаемые нахлынувшими в Москву западными советниками».

Этатистская идеология как прикрытие партикуляризма

В 2005 г. Фадеева сменил бывший разведчик и человек Путина Владимир Якунин, который стал проводником формулы президента «нельзя допустить необратимости ошибочных решений в реформе железнодорожного транспорта» (Интерфакс, 09.06.2015). Якунин с самого начала позиционировался президентской администрацией как глава, который не будет проводить быстрые и радикальные преобразования. Однако это не устраивало другие влиятельные фракции, которые были недовольны тем, «как он проводил, а вернее, не проводил либеральную реформу отрасли» («Русский репортёр», 2013, № 25). 19 июня 2013 г. в СМИ был вброшен фэйк о том, что Якунин освобождён от должности президента «РЖД». Проведший своё журналистское расследование «Русский репортёр» назвал «главным подозреваемым» в распространении слухов само правительство (эту же версию не исключала и прокремлёвская «Российская газета»), а спасло Якунина всё ещё сохранявшееся расположение Путина – «единственного человека», который его поддерживал. Однако привычка «решать проблемы за счёт личной дружбы с президентом хороша, когда ею не злоупотребляют. Якунин же злоупотреблял слишком долго» (Центр Карнеги, 18.08.2015), и в 2015 г. был отправлен в отставку. Как сказал «Ведомостям» от 14 ноября 2016 г. неназванный федеральный чиновник, «дальнейшее [его] пребывание на этом месте становилось уже опасным для него самого – компания настолько неэффективна и погружена в коррупционные схемы, что рано или поздно это бы закончилось плачевно».

Эта история наглядно иллюстрирует тот факт, что любая значимая реформа в современных капиталистических державах связана не столько с техническими и научно обоснованными потребностями экономики, сколько с борьбой вовлечённых фракций, часть из которых использует этатистскую идеологию даже для прикрытия собственных партикулярных интересов.

Уступки частному капиталу

Там, где у всё ещё слабого российского государства не было выхода, оно было вынуждено запустить реформы. Это касается сектора оперирования (управления) грузовыми вагонами. Трое руководителей МПС начала 2000-х гг., причастных к разработке и осуществлению реформ, – Н. Е. Аксененко, Б. М. Лапидус и А. С. Мишарин – в своей книге 2001 г. «Железные дороги России: от реформы к реформе» писали: «Внутренние ресурсы отрасли не позволяют кардинально решить проблему обновления фондов за счёт собственных инвестиций. Только при условии двукратного роста доходности, обеспеченного увеличением тарифов на внутригосударственные перевозки в 3 раза, железнодорожный транспорт мог

бы решить эту задачу собственными силами. Однако неприемлемость такого решения очевидна».

Вскоре данный сектор был реструктурирован, туда пришли частные игроки, создав рынок, на котором нерегулируемые тарифы и конкуренция позволили ликвидировать дефицит грузовых вагонов, привлечь значительные инвестиции и с помощью возросшего вагонного парка освоить растущий грузооборот: в 2003 г. была осуществлена «тарифная революция» – вагонная составляющая для собственных (или частных) вагонов перестала регулироваться государством и могла определяться самими участниками рынка в зависимости от соотношения спроса и предложения. Эта «революция» привела к появлению множества частных компаний-операторов, которые стали конкурировать друг с другом за грузоотправителя, экономика получила от них инвестиции в производство грузовых вагонов, что, в свою очередь, вызвало локальный бум в вагоностроительной отрасли, благодаря чему был ликвидирован хронический дефицит вагонов, от которого страдали грузоотправители в 1999–2000 гг., когда им не хватало полувагонов для вывоза угля или металлов. А «РЖД», потеряв монополию на вагоны, по некоторым оценкам, лишилась 13 % доходов. Однако Якунин признал, что «недостатки [...] уступают достоинствам того, что в результате мы получили» (Интерфакс, 09.06.2015).

«Забытые» цели

Преобразования не затронули ни инфраструктуры, ни сегмента предоставления услуг магистральной локомотивной тяги. Так, не появилось ни частных перевозчиков в сфере грузовых перевозок, ни сколько-нибудь значительной доли поездных локомотивов в частной собственности. В этих сегментах спустя более 20 лет после начала структурной реформы некоторые из её основных целей до сих пор не выполнены, сохранена государственная собственность и продолжается стагнация.

В то время как вагонный парк после либерализации 2003 г. вырос в 1,5 раза, в инфраструктурной и локомотивной сферах этот период стал «потерянным десятилетием». Правда, это не помешало малому числу крупных игроков («Трансойл» Геннадия Тимченко, «Нефтетранссервис» и Globaltrans) получить от «РЖД» локомотивы и возить на них грузы на закорючатых маршрутах, получая баснословную прибыль.

Дефицит инфраструктуры

Если с 1970-х гг. главной головной болью руководителей СССР было исчерпание пропускных и провозных способностей инфраструктуры, то после распада СССР и последовавшего экономического краха, сопровождавшегося падением погрузки и грузооборота (вплоть до 1998 г.), актуальными стали совершенно другие вопросы – как законсервировать избыточные станции, сократить персонал (но не потерять специалистов), содержать инфраструктуру (особенно малодоходные линии и участки), привлечь грузы, в том числе с других видов транспорта. Но это не решало проблему дефицита инфраструктуры, а лишь откладывало её, и после-

довавший в десятилетие 1999–2008 гг. экономический бум вновь вернул эту проблему в повестку дня.

11 декабря 2018 г. «Коммерсантъ» сообщил о снижении скорости движения на железнодорожной сети, в том числе замедлении оборота вагона. Глобальная причина проблем со скоростью – недостаточные инвестиции в инфраструктуру общего пользования, обусловленные дефицитом государственного финансирования ОАО «РЖД» и отсутствием механизмов привлечения частных инвестиций, что привело к отставанию инфраструктуры от потребностей рынка перевозок.

Стратегическая неготовность

После того, как российский империализм развязал войну на Украине, он был вынужден изменить логику перевозок грузов и совершить «поворот на Восток». Это привело к осложнениям в работе железнодорожной отрасли и ещё большему дефициту инфраструктуры. Эта проблема стала одной из ключевых, поднятых 12 сентября 2023 г. на сессии «Россия – Китай» Восточного экономического форума, где президент ПАО «ТрансКонтейнер» (лидера контейнерной железнодорожной логистики в Евразии) Виталий Евдокименко заявил, что сдерживающим фактором «в части увеличения, развития объёмов перевозок в восточном направлении» является «дефицит ресурсов железнодорожной инфраструктуры», около «30 % платёжеспособного спроса в этом направлении на сегодняшний день остаётся необеспеченным». А 10 июня этого года РБК констатировал: «Железнодорожная инфраструктура [снова] не успела подстроиться под новые реалии».

Сам по себе рост погрузки и перевозок не обязательно влияет на скорости, если резерв пропускных способностей довольно велик. Но историческая особенность именно российской железнодорожной отрасли как раз и состоит в том, что в ней – в отличие, например, от США – никогда не было «избытка» инфраструктуры, который является важным элементом капиталистически гибкой и эффективной работы отрасли. Этот недостаток усугубляется дисбалансом в российской полупарламентной политической системе, где подавляющее влияние имеют сырьевые экспортноориентированные фракции, а «поворот на Восток» в очередной раз лишь подсветил «неэффективность, обусловленную политическими причинами, когда, например, представители [...] угольной отрасли с отличными связями «наверху» успешно отстаивали свои интересы [...] – часто за счёт дальневосточных покупателей» (Riddle, 25.10.2024).

Таким образом, апологеты этатизма, твердящие об «излишних» дублирующих линиях и необходимости «централизованного» и «научного» плана развития сети, но без радикального переворота в экономических отношениях в целом, много лет прикармливаемые российским правящим классом и влиявшие на его решения, сыграли с ним злую шутку: в момент решающей конфронтации он оказался не готов к нынешнему уровню противостояния.

Октябрь 2024 г.

Варшавское восстание и противостояние между империализмами

На Тегеранской конференции в ноябре 1943 года Черчилль и Рузвельт гарантировали Сталину, что после окончания конфликта восточная часть Польши будет включена в состав тогдашних Белоруссии и Украины, санкционировав тем самым закрепление за Сталиным территорий, полученных в 1939 году от Гитлера. В 1945 году будущему польскому государству компенсируют потери за счёт немецких земель к западу от Польши, в старой Пруссии, с принудительным переселением миллионов людей во всех направлениях.

Польское правительство, находившееся в изгнании в Лондоне, имело в оккупированной Польше подпольную армию – Армию Крайову (АК). Ей удалось организовать 380 тыс. человек, к которым можно добавить также “лесных братьев”, сражавшиеся как против немцев, так и против СССР. Были среди них и националистические группы, воевавшие против нацистов, но проводившие при этом антисемитские погромы.

Москва в качестве альтернативы польскому правительству в Лондоне создала правительство в изгнании в Люблине¹, контролировавшее другую польскую армию – Армию Людову (АЛ), состоящую из 20 тыс. заключённых², освобождённых из “советских” лагерей. Она выросла до 40 тыс. человек за счёт включения в неё частей АК, с которыми она встречалась в Польше, преследуя вместе с “советской” армией уходящих немцев. Командование СССР приглашало офицеров в свои штабы на собрания, с которых никто не возвращался, солдаты переходили в подчинение новым частям, а несогласные, не сумевшие укрыться в лесах, депортировались.

Неуслышанные свидетельства

Ян Карский, действуя по заданию польского правительства в Лондоне, тайно проник в концентрационный лагерь³ и задокументировал ситуацию, проинформировав союзные правительства, а впоследствии выступив на публичных конференциях. О своём опыте он рассказал в книге 1944 года “Я свидетельствую перед миром”. После своего последнего разговора с американским президентом Рузвельтом, оставшегося безрезультатным, он пишет: «в конце 1942 года весь мир больше не мог игнорировать то, что происходило с еврейским народом в Польше», но бомбардировки Освенцима, о которых союзники, так и не были осуждены.

Самые кровопролитные внутригородские бои во время войны произошли в Варшаве: восстание в еврейском гетто в январе 1943 года и полтора года спустя – всеобщее восстание города (1,2 млн жителей плюс пригороды)⁴.

Первое мая в Варшавском гетто

Джорджио Ваккарино (“Storia della Resistenza in Europa, 1938–1945”) излагает ход восстания в варшавском еврейском гетто. Когда там осталось всего 50 тыс. жителей из 500 тыс., которых туда свезли в 1940 году, но впоследствии депортировали, Еврейская боевая организация (ŻOB) социалистической ориентации, располагавшая 22 полевыми группами и несколькими сотнями вооружённых людей, решила поднять восстание в январе 1943 года, и это было «самое отчаянное объявление войны Германии». Оно застало оккупантов врасплох: в марте гетто оказалось под контролем повстанцев,

восстание распространилось на другие города и даже концентрационные лагеря. После ожесточённых боёв в апреле гетто было разгромлено, но отдельные группы продолжали сражаться ещё в течение нескольких месяцев.

ŻOB обвинила Польское Сопrotивление в том, что оно не поддержало восстание в достаточной степени. АК и АЛ, сомневавшиеся в военных возможностях евреев, произвели лишь ряд изолированных попыток помочь восстанию извне. Другие авторы пишут, что значительная часть населения Варшавы осталась безразличной к уничтожению гетто. По мнению Иштвана Деака, «только подлинно интернационалистические и космополитические группы, такие как троцкисты и другие коммунистические диссиденты», плюс члены некоторых религиозных общин, «смогли преодолеть этнические барьеры» (“Europe on Trial: The Story of Collaboration, Resistance, and Retribution during World War II”, 2015).

Бундовец Марек Эдельман, самый старший (22 года на момент восстания) и единственный оставшийся в живых среди пяти членов командования ŻOB, в конце 1945 года предоставил отчёт о событиях в гетто (“Getto walczy”, 1945)⁵: «Бои и стычки теперь происходят преимущественно ночью. Днём гетто полностью вымирает. [...] Выигрывает тот, кто первым открывает огонь. [...] Каждую ночь погибает много людей с обеих сторон. Немцы и украинцы патрулируют только большими группами, часто устраивают засады».

Автор сообщает об эпизоде, подтверждающем политический, классовый выбор этих молодых людей, далёкий от чисто национальных мотивов, присутствующих внутри еврейского движения. Восставшие решили отпраздновать Первое мая: «несколько боевых групп вышли в город с задачей “поймать” как можно больше немцев», чтобы придать празднику особое политическое значение. «Вечером проходит первомайский митинг. Краткие выступления и “Интернационал”. Весь мир сегодня празднует. Во всём мире в этот момент звучат короткие, сильные слова. Но никогда ещё “Интернационал” не звучал в столь особых, трагических условиях, там, где погибал и продолжает гибнуть народ. Эти слова и этот гимн эхом разносятся по обгоревшим руинам, свидетельствуя о том, что в гетто сражается социалистическая молодёжь, которая не забывает о своих идеалах даже перед лицом смерти».

Обмен посланиями между империалистами

После высадки в Нормандии полковник Тадеуш Бур-Коморовский от имени правительства в изгнании в Лондоне поднял Армию Крайову на восстание в Варшаве (неподготовленное и малочисленное, только 46 тыс. участников, утверждает ряд историков). АК поддержали присутствовавшие в городе части Армии Людовы

(несмотря на сталинистскую дисциплину), социалистический Бунд, небольшие группы, относившие себя к коммунистам антисталинистам, а также группы левых социалистов и анархо-синдикалистов.

Восстание продолжалось с августа по октябрь 1944 года. Джордж Брюс в книге 1972 года “The Warsaw Uprising” говорит о двух месяцах ожесточённых боёв с бомбардировками, применением огнёмётов против пленных, побегами через канализацию. 2 октября Бур-Коморовскому пришлось капитулировать: восстание унесло жизни не менее 20 тыс. повстанцев и 200 тыс. мирных жителей, нацисты превратили столицу Польши в груды руин. Мемуары Уинстона Черчилля (“Triumph and Tragedy: The Second World War. Volume VI”, 1953) можно считать предвзятыми, но их достоинство состоит в том, что они делают доступными документы, которыми в то время обменивались руководители союзников. Приведём некоторые выдержки из них.

4 августа Черчилль пишет Сталину: «[Восставшие] просят о русской помощи, которая кажется весьма близкой». Сталин отвечает: «Думаю, что сообщённая Вам информация поляков сильно преувеличена и не внушает доверия».

14 августа Черчилль пишет министру иностранных дел Великобритании Энтони Идену⁶: «Очень любопытно, что в тот самый момент, когда польская подпольная армия восстала, русские войска прервали наступление на Варшаву и отступили на некоторое расстояние от города».

16 августа Сталин сообщает Черчиллю о своей уверенности в том, что восстание «представляет [собой] безрассудную ужасную авантюру», которая началась без предупреждения “советского” командования, которое поэтому «пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры».

18 августа Черчилль называет эти ответы «бессердечными», но, обращаясь к Рузвельту – третьему полюсу этого противостояния между союзниками, указывает ему в связи с происходящим в Варшаве сражением, что «победа, одержанная нашими армиями [британскими и американскими] в Нормандии, превзойдёт по своим масштабам всё, чего когда-либо достигали русские».

22 августа. Сталин: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна».

25 августа Черчилль просит Рузвельта также направить свои самолёты снабжения в закрытые СССР аэропорты. Американский президент отвечает: «Я не считаю, что для долгосрочных перспектив общей войны было бы целесообразным, если бы я присоединился к Вам в предложенном послании Сталину».

5 сентября Рузвельт пишет Черчиллю: «Управление военной разведки сообщило мне, что сражающиеся поляки ушли из Варшавы и что немцы теперь полностью контролируют ситуацию. Таким образом, проблема помощи полякам в Варшаве, к сожалению, была решена с опозданием и с помощью немецких действий, и теперь, похоже, мы ничем не можем им помочь».

Раздел Европы

Через 8 дней после окончания боёв в Варшаве Черчилль высадился в Москве. То есть, проиграв варшавскую битву не только Германии, но и СССР, он вместе со своим союзником/врагом Сталиным принялся определять порядок в Восточной Европе, который просуществовал до 1989 года.

После тотальной оккупации Польши всё ещё действовавшие силы АК были окружены в лесах и уничтожены СССР (50 тыс. депортированы). В марте

1945 года оставшимся в живых политическим и военным руководителям было приказано явиться к российскому командованию в лице Георгия Жукова, чтобы их доставили в Лондон для обсуждения формирования коалиционного правительства. Вместо этого их

После капитуляции население Варшавы покидает разрушенный город.

перевели в Москву, тайно заключили в тюрьму на несколько месяцев, а затем осудили за «сговор с англичанами» против СССР, который был ещё в союзных отношениях с Великобританией.

Пьер Гроссе (“La difficile victoire, printemps 1944 – été 1945” // Aglan A., Frank R. “La guerre – Monde, 1937–1947”, 2015) подчёркивает националистический характер правительства в изгнании в Лондоне, которое хотело не только восстановить независимость Польши, но и расширить её территорию за счёт включения Украины и Белоруссии и возвращения Литвы. Однако СССР стремился «уничтожить любое польское движение, которое могло представлять собой зародыш сопротивления, особенно на Украине и в Белоруссии».

Lotta comunista, сентябрь 2024 г.

1 – Крайова Рада Народова.

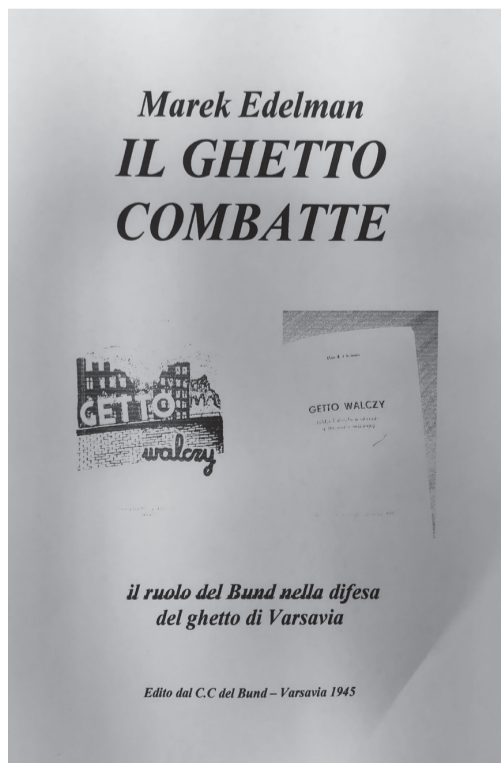
2 – Из польских военнопленных была создана в 1941 г. Армия Андерса. В образованной 1 января 1944 г. Армии Людовой было сформировано 11 бригад (в том числе, две бригады из бежавших советских военнопленных, а позднее с территории СССР были переброшены ещё три партизанские бригады), 69 отрядов и некоторое количество мелких подпольных, разведывательных и партизанско-повстанческих групп. На момент создания Армия состояла из примерно 10.000 человек. В состав Армии вошли части Батальонов хлопских, отряды народно-рабочей милиции Польской рабочей партии, Союз борьбы молодых, отдельные подразделения и бойцы Армии Крайовой.

3 – Он тайно посетил Варшавское гетто и, переодевшись немецким солдатом, побывал в Durchgangslager (“транзитном лагере”), откуда людей переправляли в лагерь смерти Белжец, расположенный в городе Избица Любельска.

4 – До войны население Варшавы составляло 1,3 млн человек, из них 350 тыс. евреев было убито и депортировано. Источники дают численность населения 920 тыс. накануне восстания.

5 – Во всех цитатах наш перевод с польского издания книги. Русское издание (“Гетто в огне”, 2009) имеет принципиальные различия с оригиналом.

6 – В исходной версии статьи, опубликованной в сентябрьском номере Lotta comunista за этот год, в качестве адресата письма ошибочно указан Сталин.

Итальянский перевод книги “Getto walczy” Марек Эдельмана 1945 года.

Хроники Шёлкового пути

Кто недооценил Китай?

Подгоняемый темпами кризиса порядка, Вашингтон задаётся вопросом о сроках и предсказуемости восхождения Китая. В формуле «*потерянного десятилетия*» Роберта Блэквилла и Ричарда Фонтейна находят отзвук «*потерянные десятилетия*» Дэвида Сэнгера, вашингтонского корреспондента *New York Times* и автора книги «Новые холодные войны» (2024). Соединённые Штаты десятилетиями верили и пропагандировали, что Россия и Китай впишутся в западный порядок на условиях Вашингтона, лишь с запозданием признавая «*возвращение*» стратегического противостояния двух сверхдержав в мире, оказавшемся более турбулентным, чем представляла себе не только Вашингтон, но и Москва с Пекином. Америка упустила время, обманувшись дивидендами глобализации, и позволила Китаю заставить себя врасплох.

На обложке своей книги Сэнгер изображён у трапа президентского самолёта; собранные им закулисные факты имеют большое значение, вдобавок он передаёт «*душевное состояние*» администрации, «*удивлённой*» китайским вызовом. Этому способствует представление о собственной исключительности, свойственное американской политической культуре, которая склонна представлять глобальное развитие по своему образу и подобию до тех пор, пока оно в значительной степени благоприятно для неё, и разочарованно отступить при появлении новых соперничающих держав.

Тезис о «*недооценке*» Китая также является инструментом ведения полемики между президентскими кабинетами, которые время от времени обвиняют предыдущую администрацию в подыгрывании Пекину. С другой стороны, образ неожиданной угрозы, помимо классической риторики *China-bashing* – нападок на Китай, – используемой в предвыборных кампаниях, служит для достижения внутреннего консенсуса и политической мобилизации. В американских дебатах повторяется образ «*неожиданного Перл-Харбора*»: нужно грубое пробуждение, чтобы собрать силы, которые иначе остаются замкнуты в рамках континентального политического цикла. Наконец, тема китайской угрозы с готовностью подхватывается военно-промышленным лобби.

Таким образом, получается, что то, что мы называем нормой неравномерного империалистического развития, законом движения которого является образование новых держав, в Штатах может быть преподнесено как «*колоссальный провал разведки*».

Запрограммированная иллюзия и неравномерное развитие

По мнению Сэнгера, «*нарратив*» о том, что заинтересованность Китая в интеграции в мировую экономику преобладает над прочими его притязаниями, был настолько «*идеально вписан*» в американскую глобальную повестку, что в течение «*двух десятилетий*» его не пытались опровергнуть. И демократы, и республиканцы преуменьшали растущие признаки того, что экономическая мощь Пекина будет подпитывать его стремление к соразмерному политическому влиянию, как это происходило со всеми восходящими державами в истории. США хотели верить в то, что китайцы «*не привлекают внимания*», и мало кто задавался вопросом о следующем этапе. Процветающие экономические группы обрели в Китае вторую молодость, подпитывая

его экономическое развитие. Прагматизм американской линии, отметим, объективно опирался на возможности китайского рынка. Сегодня эти планы оказались под угрозой из-за натиска китайской конкуренции.

Только с 20-х годов, когда мощь «дракона» «*больше нельзя было игнорировать*», США отреагировали «*и, возможно, слишком остро*». Этот поворот в восприятии оказался впечатляющим: там, где США раньше видели «*экономическую возможность*», теперь лежал «*возможный курс на войну*». Сангер возводит истоки этой экономистской иллюзии к администрации Клинтона, с поездкой Роберта Рубина в Китай в 1997 году и переговорами о вступлении Китая в ВТО, однако и последующие администрации продолжали эту линию. Стивен Хэдли, заместитель советника Джорджа Буша-младшего по национальной безопасности, защищает: «*Если бы мы не пытались удержать Китай в международной системе, то мы бы сегодня спорили о том, кто потерял Китай*». Вместо этого идёт спор о том, кто не заметил, как это произошло.

Американский прагматизм и китайская неожиданность

По мнению Сэнгера, истинное удивление вызывает то, что Китай сумел заставить врасплох президентские кабинеты, однако «*досада*» администраций вполне реальна. Запуск «Шёлкового пути» в 2013 году был первоначально воспринят как «*простая рекомбинация существующих программ*», а программа реструктуризации промышленности «*Сделано в Китае 2025*» – как «*очередной пятилетний план*». Неужели спецслужбы не понимали китайского восхождения? Этот вопрос – совершенно американский – наводит их на мысль, что более точный сбор фактов позволил бы лучше раскрыть истинные намерения Китая. Корреспондент *New York Times* также вспоминает, как американская реалистическая школа предупреждала о неумолимой динамике восхождения и падения великих держав, но чиновники не спешили переводить эти концептуальные указания в рабочую плоскость администраций. По словам Раша Доши, главы отдела Китая в Совете национальной безопасности (СНБ) Джо Байдена, Пекин фактически скрыл свою стратегию.

Тезисы Доши, молодого исследователя, связанного с Центром новой американской безопасности Курта Кэмпбелла и Мишеля Флурнуа, должны стать частью новой двухпартийной стратегии в отношении Китая. В книге «Глобальный Китай» (2021) автор стремится показать, что тактика «*не привлекать внимание*» имела, по сути, временный характер: говоря словами Дэн Сяопина, она заключалась в том, чтобы наращивать свою силу, дожидаясь подходящего момента для её демонстрации. Это противоречит представлениям об эпизодическом характере китайско-американской напряжённости и гарантирует её эскалацию в будущем. Книга «Долгая игра» по замыслу автора перекликается с меморандумом Кроу 1907 года, документом, в котором британский МИД разоблачал германское восхождение накануне первой мировой империалистической войны. По мнению Сэнгера, Доши предоставляет аргументы для противников умиротворения Пекина. Любая американская «*уступка*» или «*компромисс*» в отношении Китая – этот тезис вытекает из аналогии

с англо-германским антагонизмом столетней давности – поощрит соперника, оказавшись всего лишь «*временным средством*».

Меморандум Доши

В действительности, британский чиновник Эйр Кроу сформулировал «*две гипотезы*» относительно ориентации Германии в конце XIX века, рассмотрев как вероятность преднамеренного плана, направленного против жизненно важных британских интересов, так и вариант стратегического замешательства в Берлине в связи с утратой дипломатического гения Бисмарка. В любом случае Лондону необходимо было защититься с помощью перевооружения, отталкиваясь от растущего военно-морского потенциала Германии, какими бы изменчивыми не были намерения Берлина. Однако Кроу не исключал, в реалистическом духе, и оказания поддержки германской экспансии там, где это было удобно и «*законно*», за счёт других держав в мировом балансе. Соперничество не исключало для Британии тактики «*двух рук*» по отношению к Германии – переговоров и конфронтации – до тех пор, пока обе «*руки*» были хорошо вооружены. Однако британский опыт «*политики баланса*» с трудом усваивается американцами, которым необходимо пропагандировать новое противостояние с Китаем.

Доши настаивает на продуманном характере долгосрочной стратегии азиатского гиганта, в которую постепенно вносятся коррективы, продиктованные ощутимым ослаблением США и ускорением, связанным с финансовым кризисом 2008 года и электоральными восстаниями 2016 года по обе стороны Атлантики.

Американское пробуждение

Глобальный кризис, за которым последовали «*сдержанные*» президентства Барака Обамы и Дональда Трампа, считается переломным моментом. Кабинет Трампа разрывался между торговой войной и стремлением заключить «*эксклюзивную сделку*» с Пекином. Мэтт Поттингер, ответственный за азиатские вопросы в СНБ Трампа – по мнению Сэнгера, он был в меньшинстве – видит в этом парадоксальный возврат к экономизму 1990-х годов.

При Байдене будет восстановлено адекватное «*понимание*» китайского вызова, отчасти с опорой на те силы, для которых Трамп был лишь случайным «*симптомом*». «*Двухпартийный консенсус*» теперь признаёт, что «*мирное восхождение*» Китая было лихорадочным сном». Десятилетия либерального торжества «*плоского мира*», заключает Сэнгер, уступают место «*новой геополитической эре*», отмеченной «*горючей смесью*» взаимосвязанных частичных конфликтов: «*это может стать почти постоянным состоянием ближайших десятилетий*».

Китайская угроза и военные расходы

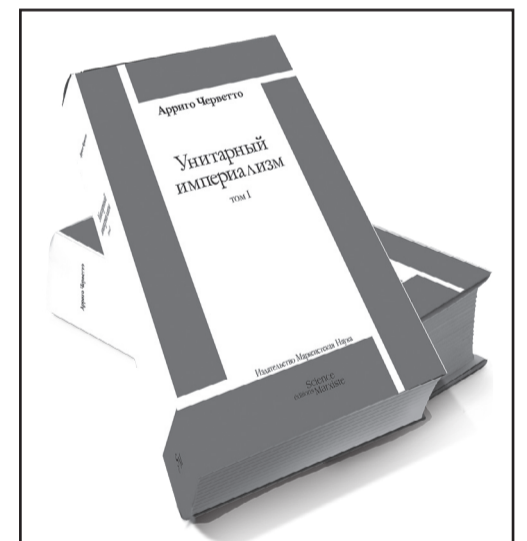
Военные быстрее освоили тему китайской неожиданности, пишет автор в главе, посвящённой «*моменту Спутника*» в июле 2021 года, когда Китай провёл испытания «*сверхзвукового управляемого аппарата*» с ядерной боеголовкой. Конечно, «*запугивание*» китайской угрозой способствует росту военных расходов. Однако, по мнению Уолтера Рассела Мида, эта тема всё ещё недостаточно отражена в крупных изданиях.

Двухпартийная комиссия Конгресса, которой было поручено изучить Стратегию национальной обороны США, пришла к «*практически единодушному признанию*» военного вызова со стороны Китая. «*Угрозы, стоящие перед Соединёнными Штатами, являются самыми серьёзными и сложными из всех, с которыми страна сталкивалась с 1945 года, и включают в себя возможность крупной войны в ближайшем будущем*», к которой США «*не будут готовы*». По мнению Комиссии, китайский дракон «*задаёт темп*» военного соперничества: «*Китай опережает США и в значительной степени устранил военное преимущество США в западной части Тихого океана благодаря двум десятилетиям целенаправленных военных инвестиций*». Ответственность в основном не знает об этом: «*Необходимо срочно обратиться с двухпартийным призывом к оружию, чтобы США могли внести серьёзные изменения и начать значительные инвестиции уже сейчас, а не ждать следующего Перл-Харбора или 11 сентября*».

Китай сможет похвастаться крупнейшим военно-морским флотом в мире, крупнейшими военно-воздушными силами в Азии и крупнейшей армией в мире; он увеличит потенциал подводных лодок и численность своих стратегических сил. «*Если эти тенденции сохранятся, китайская армия станет соперничать на равных с Соединёнными Штатами во всех сферах, а то и превосходить их*». Такого ещё не было.

Беспрецедентный по своим масштабам вызов потряс американский моральный дух.

Lotta comunista, октябрь 2024 г.

Арриго Черветто

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 1

2005, 796 страниц,
супербложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 2

2005, 736 страниц,
супербложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Выборы в США

Внутренние миграции перемещивают электорат

Миграции внутри государства, из одного региона в другой, а не только из-за границы, являются фундаментальной составляющей экономических и политических преобразований в стране.

Индустриализация и миграция

В период с 1870 по 1900 год в Соединённые Штаты прибыли около 12 млн иммигрантов, в основном европейцев. В 1910 году в США насчитывалось 13,5 млн мигрантов, или 14,7 % населения. Сокращение потока европейцев и опасения насчёт того, что он будет замещён азиатской иммиграцией, привели к принятию ограничительных законов.

“Иммиграционный закон” 1924 года ограничил количество виз, ежегодно выдаваемых представителям каждой национальности, до 2 процентов от числа лиц этой национальности, уже присутствующих в Соединённых Штатах по данным переписи 1890 года. Это стимулировало иммиграцию из Северной и Западной Европы. На три страны – Великобританию, Ирландию и Германию – пришлось 70 % всех доступных виз.

Иммиграция из южной, центральной и восточной Европы была ограничена. Иммигранты из Азии были почти полностью исключены, но это не коснулось Филиппин, которые в то время были американской колонией. Ограничительные законы сократили долю иммигрантов до 4,7 % населения в 1970 году (Migration Policy Institute).

Однако в период с 1910 по 1970 год продолжающееся промышленное освоение северных регионов, подготавливаемое первой и второй мировыми войнами, автомобилизацией и электрификацией, требовало постоянного притока новой рабочей силы. Как только приток иностранцев был ограничен, на первый план вышло сельское население штатов старой Конфедерации, участвовавших в Гражданской войне 1861–1865 годов, так как они были богаты рабочей силой, в основном чернокожей.

Начался процесс внутренней миграции, аналогичный тому, что произошёл в Италии в период “экономического чуда” 1950–1970 гг., когда разложение крестьянства в южных регионах подпитывало индустрию “промышленного треугольника” (Милан – Турин – Генуя). Чуть более чем за десять лет автомобильная столица Италии Турин стал третьим в стране городом по численности “южного” населения сразу после Неаполя и Палермо.

Великая миграция

С 1910 по 1970 год в США в ходе так называемой “Великой миграции” около 6 млн чернокожих из Северной Каролины, Джорджии, Южной Каролины и других южных штатов перебрались на Север. В таких городах, как Нью-Йорк, Чикаго, Детройт и Кливленд, сформировались целые кварталы с преимущественно чернокожим населением.

В США расовая проблема сложна, и она не ограничивается отношениями между чёрными и белыми. С “Великой миграцией” расовый вопрос, до сих пор затрагивавший главным образом штаты старой Конфедерации, распространился и на Север.

Сформировался новый расизм, но он имел совершенно иную природу, чем расизм в южных штатах. Он уже не был основан на недовольстве белого населения чернокожими, которые добились формального равенства с принятием в 1965 году законов демократической администрации Линдона Джонсона, но опи-

рался на противостояние чернокожим со стороны преимущественно рабочего населения из Европы. На рынке труда расовый вопрос переплетался с вопросом о заработной плате: чернокожий рабочий, прибывший из старой Конфедерации, был конкурентом ирландца, итальянца, поляка, прочих славян. Профсоюзы выступили против чернокожих рабочих, поскольку приход последних снизил заработную плату. Хотя сегодня внимание к проявлениям расизма по-прежнему сосредоточено на южных штатах, он присутствовал и в северных штатах и способствовал глубоким политическим трансформациям.

В 1968 году независимый кандидат в президенты от Алабамы Джордж Уоллес, сторонник превосходства белой расы, получил 12 % в Огайо, 8 % в Пенсильвании и Висконсине, 10 % в Мичигане, 8,5 % в Иллинойсе. Это были голоса, которые ранее доставались Демократической партии и не имели ничего общего с традицией “превосходства белых”, присутствовавшей в таких штатах, как Миссисипи, Алабама, Джорджия и две Каролины. Расовые конфликты усилились в Чикаго, Детройте, Кливленде, Питтсбурге.

В последующие годы расовая напряжённость способствовала смещению голосов от Демократической к Республиканской партии не только на Юге, но и в промышленных штатах Севера. Произошёл симметричный сдвиг электората: часть населения европейского происхождения (из Ирландии, Восточной и Южной Европы) перешла от Демократической партии к Республиканской; в ответ либералы Севера, которых теперь называют прогрессистами, главным образом англосаксонского происхождения, превратились из республиканцев в демократов. За тридцатилетний период 1970–2000 гг. две основные партии обменялись значительными долями электората. Это одна из отправных точек для понимания феномена Дональда Трампа.

Миграция из “Ржавого пояса” на Юг

С 1970 года по сей день внутренняя миграция изменила направление. Сочетание более низкой заработной платы, низких цен на землю и энергию, а также промышленной политики правительств южных штатов, привлекло туда как местных, так и иностранный капиталы.

Демография следовала за движением капитала. Индустриализация на Юге привлекала рабочую силу не только из-за границы, но и из северных штатов США. В основном чернокожие, но также и значительная часть белых из кризисного индустриального пояса на Севере, вернулись в штаты своего происхождения, но на этот раз не для того, чтобы работать чернорабочими в сельском хозяйстве или промышленности. Теперь они мигрируют зачастую с дипломом университета в кармане. Как “Великая миграция” с Юга на Север имела глубокие последствия для политики Республиканской и Демократической партий, так и внутренней миграцией с Севера на Юг происходит подобный процесс. Если оставить за скобками неучастие в выборах, в электорате происходят перестановки, а вместе с ними и соответствующие изменения в идеологиях.

С 2000 по 2023 год число внутренних мигрантов в США составило 15,7 млн человек, или 10 % от 154 млн жителей 25 штатов, получивших чистый приток, и почти 9 % от 180 млн остальных 26 штатов, обеспечивших его.

	Миллионы жителей 2023	Внутренняя нетто-миграция, млн чел. 2000–2023	Изменение доли в стране, % 2023	ВВП в млрд долл. (в ценах 2021 года) 2000	2001	прирост, %
Аризона	7,4	+1,4	+18,9	208	337	62,0
Южная Каролина	5,4	+1,0	+18,5	150	221	47,3
Флорида	22,6	+3,4	+15,0	643	1.009	56,9
Северная Каролина	10,8	+1,5	+13,9	357	533	49,3
Теннесси	7,1	+0,8	+11,3	234	343	46,6
Джорджия	11,0	+1,0	+9,1	390	568	45,6
Техас	30,5	+2,7	+8,9	996	1.831	83,8
Пенсильвания	13,0	-0,4	-3,1	539	714	32,5
Огайо	11,8	-0,6	-5,1	510	615	20,6
Массачусетс	7,0	-0,6	-8,6	358	531	48,3
Мичиган	10,0	-0,9	-9,0	439	473	7,7
Коннектикут	3,6	-0,3	-8,3	216	246	13,9
Калифорния	39,0	-3,8	-9,7	1.696	2.871	69,3
Нью-Джерси	9,3	-1,1	-11,8	471	562	19,3
Иллинойс	12,5	-1,9	-15,2	641	775	20,9
Нью-Йорк	19,6	-4,0	-20,4	1.092	1.492	36,6
США	334,9			13.138	19.427	47,9
Северные штаты	86,8	-9,8	-11,3	4.266	5.407	26,7
Южные штаты	94,8	+11,8	+12,4	2.977	4.843	62,7

Примечание: рассматриваются только основные штаты, где имело место явление чистой внутренней миграции, то есть когда люди переезжали из других штатов США.

Источник: наши расчёты на основе данных Бюро переписи населения США.

Как видно из таблицы, внутренняя миграция обеспечила прирост населения на 19 % в Аризоне, на 18 % в Южной Каролине, на 15 % во Флориде, на 14 % в Северной Каролине, на 11 % в Теннесси, на 9 % в Джорджии и Техасе, а в Пенсильвании – убыль на 3 %, в Огайо – на 5 %, в Мичигане – на 9 %, в Иллинойсе – на целых 15 % и в штате Нью-Йорк – на 20 %.

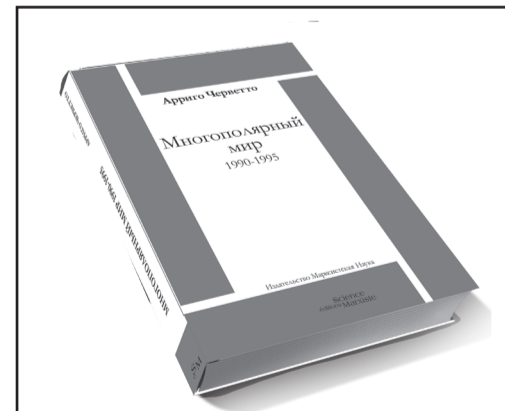
Это результат неравномерного экономического развития. Если в 2000–2021 гг. реальный ВВП США увеличился на 48 %, то в южных штатах, как мы уже писали, он вырос на 63 %, в то время как в северных – лишь на 27 %. Это привело к тому, что в некоторых округах штатов старой Конфедерации доход стал выше, чем в округах северных городов. Например, в Северной Каролине в парке Research Triangle Park (RTP), крупнейшем исследовательском кластере США, работают более 300 компаний и 65 тыс. сотрудников. В округе, в который он входит, средний годовой семейный доход составляет 96.138 долл., а его население распределяется следующим образом: 57 % белые, 17 % чёрные, 11 % латиноамериканцы, 11 % азиаты. Лишь 41 % жителей этого округа родились в Северной Каролине. Семьи имеют более высокий доход, чем в любом из округов Огайо: там самый высокий доход – в седьмом округе (80.893 долл.), а население на 86 % состоит из белых и на 77 % рождённых в этом штате. Развитие Юга привело к тому, что значительная часть чернокожего населения перешла в мелкую и среднюю буржуазию или в высшие слои наёмных работников, превзойдя по уровню жизни значительные слои белого населения Севера.

Столица Джорджии Атланта является Меккой для чернокожих профессионалов. Остин, Атланта, Шарлотт и Нэшвилл – это излюбленные места для молодых пар выпускников с несколькими источниками дохода, привлекаемых хорошо оплачиваемой работой и климатом, позволяющим играть в гольф, теннис и заниматься скалолазанием (Bullock C. S., Мас-

Manus S. A., Mayer J. D., Rozell M. J., “The South and the Transformation of U.S. Politics”, 2019).

Эти демографические изменения повлияли и на состав федерального парламента. В период с выборов 1968 года по выборы 2022 г. штат Нью-Йорк потерял 15 своих депутатов в Палате представителей, насчитывающей в целом 435 мест, Нью-Джерси – 3, Иллинойс – 7, Мичиган – 6, Пенсильвания – 10, Огайо – 9, в то время как Техас получил 15 новых депутатских мест, Флорида – 16, Джорджия – 4, Аризона – 6, Северная Каролина – 3, Южная Каролина – 1. С 1968 по 2022 год число представителей Севера упало со 198 до 140, а Юга – выросло со 120 до 167. Сегодня в парламенте Юг представлен в большей степени, чем Север.

Lotta comunista, октябрь 2024 г.

Арриго Черветто МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

2006, 352 страницы, суперобложка, 21 карта по тексту, примечания, биографический справочник, библиография, хронология 1990-1995, алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

Выборы в Японии

Электоральное землетрясение в Токио

Премьерство Фумио Кисиды завершилось 14 августа его отставкой, открыв гонку за пост лидера Либерально-демократической партии (ЛДП) и страны. Помимо прочего, сказала низкая популярность его правительства, связанная со стоимостью жизни и длинной волной скандалов, касающихся государственного финансирования. Особенно сильно они ударили по ЛДП из-за отношений между многочисленными членами фракции Абэ и Всеобщей церковью объединения – консервативной христианской сектой корейского происхождения, широко распространившейся в Японии с 1950-х годов.

По мнению японской прессы, убийство Синдзо Абэ в июле 2022 года создало «вакуум власти» в крупнейшей фракции Либерально-демократической партии, её центре тяжести в течение более чем десяти лет. Последние два года эту фракцию возглавляло коллегияльное руководство.

В кампании за пост председателя партии, который принимает на себя роль главы правительства, участвовало самое большое количество кандидатов с 1966 года – одиннадцать, число которых затем сократилось до трёх в результате действия двухтурового механизма с участием членов партии, местных руководящих органов (отделений) и депутатов обеих палат. Во второй тур вышли Сигэру Исиба, бывший министр обороны и территориального развития, предпринявший пятую попытку завоевать премьерское кресло, Санаэ Такаити, занимающая пост министра экономической безопасности и претендующая на преемственность с Абэ, и Синдзи Койдзуми, министр окружающей среды и сын бывшего премьера Дзюнъитиро Койдзуми (2001–2006). Однако последний кандидат, 43-летний и телегенный, был признан «слишком неопытным».

«Шок» Исибы

В прямом противостоянии Исиба победил с небольшим отрывом, набрав 215 голосов против 194 у Такаити. Новый премьер-министр немедленно назначил досрочные выборы на 27 октября, стремясь укрепить свой мандат и предотвратить коалиционные сделки пяти оппозиционных партий. Опросы общественного мнения дают неопределённую картину: либеральные демократы могут потерять абсолютное большинство мест в нижней палате парламента. Если так и произойдёт, то премьерство Исибы будет ослаблено, а внутрипартийный конфликт обострится.

Все кандидаты в президенты от ЛДП следовали линии Кисиды в отношении мер по перевооружению. Продвижение Исибы, обусловленное закулисной поддержкой со стороны Кисиды, было мотивировано желанием преградить путь Такаити, предводительнице правых националистов, которую сочли «слишком правой» и «не соответствующей» внутренней и международной программе уходящего премьера. Такаити была бы слишком несбалансированным выбором из-за её антикитайской позиции и проблем, которые она могла бы создать для отношений между Японией и Южной Кореей. По мнению газеты «Ёмиури Симбун», и в Пекине, и в Сеуле утверж-

дение Исибы было бы «встречено с некоторым облегчением».

Корейская пресса, как консервативная, так и центристская, характеризует Такаити как «Абэ в юбке». Внутри страны, по мнению «Асахи Симбун», победа 67-летнего Исибы, эксперта по вопросам обороны и «свободного художника» среди консерваторов, свидетельствует о попытке центристских и прокитайских течений сломить многолетнюю гегемонию правого крыла в партии. Последние, в свою очередь, считают его «помехой» из-за его внутренней фракции, выступавшей против Абэ, или даже «предателем» за то, что он покинул ЛДП в 1993–1996 годах, присоединившись к Синсинто – партии, возникшей в результате раскола между либерально-демократическими течениями, возвышение которой прервало многолетнюю гегемонию ЛДП.

Родом из Тоттори, сельской префектуры на юго-западе Японии, Исиба пришёл в политику в 1986 году, после смерти своего отца Дзиро, личного друга и союзника Какуэя Танаки (1918–1993). Танака был премьер-министром с 1972 по 1974 год, ключевым игроком в дипломатической нормализации отношений с Китаем и великим «теневым сёгуном» японской политики до самой своей смерти, контролируя крупнейшую фракцию Либерально-демократической партии.

Исиба позаимствовал его политический стиль: Танака представлял себя как «премьера простого народа», в том числе из-за своих корней в «Ура Ниппон», глубинной Японии. Протестант по вероисповеданию, Исиба характеризуется как «политик, который любит говорить откровенно» и высказывать обществу «неудобные вещи». Например, о необходимости для Японии играть большую роль в собственной обороне или воспринимать отношения с США в сфере безопасности как «асимметричные» и ограничивающие национальный суверенитет и независимость.

От «эксцентрики» к «мейнстриму»

Если ранее в японских дебатах Исиба представал как эксцентричная фигура меньшинства, то международные условия и стратегический выбор, сделанный Абэ и Кисидой, приблизили его позицию к мейнстриму в ЛДП. В комментариях, опубликованных 25 сентября консервативным Институтом Хадсона, который теперь выступает в поддержку Трампа, Исиба упомянул о возможности создания «азиатской структуры безопасности, подобной НАТО», и пересмотра отношений с США в области безопасности на более равной основе. Это также может повлечь за собой соглашения Токио и Вашингтона о «совместном использовании ядерного оружия» с риском появления в регионе «тактического ядерного оружия» США.

Вопрос о совместном использовании ядерного оружия Абэ поднял, когда уже не был премьером, но оставался одним из главных игроков в политическом балансе в Токио после начала украинской войны. О том же заговорили и в Сеуле в начале президентского срока консерватора Юн Сок Ёль. Не случайно заявления Исибы были подхвачены ведущей сеульской газетой, консервативной

«Чосон Ильбо», писавшей, что японский премьер «снял ядерное табу в Токио». По мнению этой газеты, хотя предложение об «азиатском НАТО» и «совместном использовании ядерного оружия» и отвергнуто США «на данный момент», в Токио «дискуссии носят выраженный характер». Более того, речь идёт о том, чтобы вернуться к идее Сеула, где тема о возможном «национальном ядерном сдерживании» впервые прозвучала в заявлениях Юна в 2023 году.

Осторожность и принуждение

Консервативные круги в Сеуле считают результаты вылазки Юна недостаточными, поскольку американские меры умиротворения до сих пор не подразумевали признание равного «латентного [ядерного] статуса» между Южной Кореей и Японией. С 1987 года Токио практически имеет право на переработку и обогащение ядерного топлива. Это даст ему возможность производить ядерные боеголовки, если возникнет такая необходимость.

Как напоминает Випин Наранг, бывший член администрации Байдена по ядерным вопросам, в своей книге «Seeking the Bomb» (2022), «Германия и Япония, два официальных союзника США», сохранили и продолжают сохранять ядерные варианты в качестве «мер предосторожности» против «риска быть оставленными» Вашингтоном. Утверждается, что они использовали «угрозы приобретения ядерных арсеналов» в качестве «принудительной меры» по отношению к США, добиваясь «решающих уступок».

«Корейская избыточность» кандидата Исибы

Наранг приводит заявление Исибы от 2011 года, в котором будущий премьер заявляет, что Токио не должен «обладать ядерным оружием», но напоминает, что хранение «коммерческих реакторов» позволит «произвести боеголовку за очень короткое время». Таково негласное средство сдерживания. Эти риторические приёмы, пишет Наранг, используются Токио с 1950-х годов, и они хорошо отработаны, а с 2000-х годов частота их применения увеличилась. Такаси Каваками, профессор международных отношений из Токио и политический советник Исибы, заявил в 2017 году, что «простое повышение уровня вопроса о трёх неядерных принципах», то есть просто предположение об их пересмотре, было использовано Японией, чтобы послать сигнал как Вашингтону, так и Пекину.

Став премьер-министром, Исиба несколько приглушил то, что на фоне дипломатического стиля Токио можно считать «корейской избыточностью» в вопросах сдерживания и скрытого ядерного статуса. Гипотеза об «азиатском НАТО», по сути, была обозначена как «средне- и долгосрочная» возможность, также зависящая, похоже, от поведения Китая. По мнению Исибы, жизнеспособным путём для Японии было бы использование двусторонних «минилатеральных соглашений» в области безопасности, продвигаемых Вашингтоном на региональном уровне. От этого отталкивались инициативы Абэ по продвижению «четвёрки» и Кисиды

по развитию трёхсторонних соглашений с Сеулом, Вашингтоном и Манилой.

Исиба и «две руки» Накасонэ

В программном тексте «Консервативный политик», опубликованном в июле прошлого года, Исиба указал на то, что возможная «азиатская система безопасности» не обязательно должна «исключать Китай», с которым Токио должен искать условия «равновесия», лежащими между взаимными экономическими интересами и отношениями безопасности с Вашингтоном.

Ясухиро Накасонэ в серии эссе 2002 года, собранных в книге «Japan. A State strategy for the twenty-first century» (переиздана в 2019 году), которая стала своего рода политическим завещанием бывшего консервативного премьера, представил «азиатскую систему безопасности», связанную с «азиатской экономической сферой», которая может быть претворена в жизнь через усиление роли Японии в системе двусторонних альянсов США в Тихоокеанском регионе. При всём этом считалось само собой разумеющимся, что возвышение Китая неизбежно вызовет сопротивление Америки, учитывая историческую традицию Вашингтона, стремящегося предотвратить «появление сильных государств [...] с возможностями внешней проекции» в Восточной Азии.

НАТО в Европе, добавил он, «лежит в основе существования ЕС, а также евро». В Азии вопрос заключался в том, как приспособить «существующие сети к Китаю и Северной Корее». По мнению Накасонэ, можно «управлять экономическим сотрудничеством» с этими странами, «создав из существующих сетей военных союзов исключительно оборонительную систему». Эту формулу он в 2010 году, перед лицом стремительного восхождения Китая, обновил до формулы «двух рук»: «правая рука сжимает американскую», а «левая – китайскую», как предложил тогдашний премьер-министр ДПЯ (ныне ХДПЯ) Наото Кан. Для Накасонэ это был вопрос объединения «доктрины Ёсиды» и усилий Итиро Хатоямы в 1950-х годах по «утверждению независимости Токио» и «первооружению Японии» («Стратегия «двух рук» для Токио» // Бюллетень «Интернационалист» № 109. Декабрь 2010 г.).

Концепция «двух рук» прослеживается в деятельности премьеров Абэ и Кисиды, сопровождаемая явными мерами по перевооружению в 2022 году. В ходе кампании за пост председателя ЛДП Исиба утверждал, что активная позиция Токио, даже путём разработки собственной военной техники, необходима для «укрепления геополитической роли» Страны восходящего солнца как в отношении Пекина, так и Вашингтона. Критикуя его позицию, центристская газета «Майнити симбун» подчёркивает, что Япония не может «допустить столкновения США и Китая в Азии» и для этого должна «углублять независимую стратегию восстановления региональной стабильности». Дозировка, которой «эксцентричный» Исиба должен придерживаться, даже продолжая перевооружение, определяется во всё более ожесточённой борьбе.

Европейская оборонная промышленность

Ракеты для Европы

Центральную роль в перевооружении Европы будет играть MBDA (Matra BAЕ Dynamics Aérospatiale). Эта группа, контролируемая BAЕ Systems, Airbus и Leonardo, является основным производителем ракет и систем ПВО на европейском континенте. Она имеет заводы во Франции, Великобритании, Германии и Италии. В 2023 г. MBDA сформировала портфель заказов на сумму 9,9 млрд евро, что в два раза превышает её среднегодовые доходы, которым в любом случае суждено значительно увеличиться, ведь компания фактически решила к 2026 г. удвоить, а в некоторых случаях и утроить объёмы производства.

На саммите НАТО в Вашингтоне Германия, Франция, Италия и Польша подписали декларацию о намерениях, которая должна привести к созданию ELSA (European Long Range Strike Approach), то есть ракет большой дальности (свыше 1000 км) в качестве европейских ядерных сил сдерживания. Эта задача в основном будет возложена на MBDA; министр обороны Германии Борис Писториус призвал также принять участие в проекте Великобританию. Он добавил, что другое соглашение, также подписанное в Вашингтоне, предусматривающее размещение американских ракет на территории Германии начиная с 2026 г., сможет покрыть европейский дефицит лишь на какое-то время.

Европейский щит

То, что к процессу перевооружения подключаются такие группы, как MBDA, связано с продолжающимися по всему миру конфликтами. Даже после вторжения в Курскую область России украинское правительство просит разрешения наносить удары в глубину по аэропортам, откуда производятся российские атаки, с использованием американских и европейских ракет. Внутри НАТО разворачивается дискуссия на тему того, на какую глубину разрешить такие удары. Крылатые ракеты MBDA "Storm Shadow" и "SCALP" имеют дальность 250 км и уже поставлены Киеву, а ракеты "Taurus", производимые немецкой MBDA совместно с Saab и обладающие в два раза большей дальностью, Берлин предоставлять не желает.

Киев запросил и системы ПВО, и на саммите НАТО в Вашингтоне пообещали поставить четыре "Patriot" и одну "Sampr/T" — последняя была направлена Италией. Источники в BBC Украины сообщают, что с начала конфликта до конца 2023 г. Россия запустила в Украину 7.400 ракет и 3.700 беспилотников "Shaed" — в среднем 16–17 запусков в день, в основном по энергетической инфраструктуре, но, как мы хорошо знаем, не только по ней.

Украинский конфликт побудил правительство Германии выступить с инициативой ESSI (European Sky Shield Initiative). Берлин разработал эту программу для противовоздушной обороны самой Германии, но теперь предлагает принять её и другим странам. Обороняемые территории будут покрыты тремя уровнями защиты: ближней, средней и дальней. Первый обеспечит немецкая система "IRIS-T" (от компании Diehl), второй — американская "Patriot" и третий — израильская "Arrow-3". Подчеркивается, что этот выбор сделан, просто исходя из того, что сегодня возможно закупить. ESSI получила поддержку 19 европейских стран, но инициативу раскритиковал Париж.

Aviation Week & ST пишет, что Европа должна взять на себя обязательство

потратить около 80 млрд евро на зенитные системы к 2030 г. В 1980-х гг. только в Германии было размещено 40 систем компании Raytheon "Hawk" и "Patriot" первого поколения, сегодня же на её территории присутствует только 15 "Patriot", охватывающих всю Центральную Европу. Задача защиты от возможных, но маловероятных ракетных атак пока возложена на истребительную авиацию.

Наступательные системы

Американский журнал призывает к осторожности. Было бы неправильно сравнивать ESSI с израильской системой Aerial Defense Array, которая столкнулась с иранской атакой в апреле прошлого года. Последняя не оказалась внезапной: в целом системы раннего предупреждения сработали, что позволило BBC оперативно вмешаться с использованием беспилотников и крылатых ракет; наземные противоракетные комплексы вступили в игру только под конец операции. К тому же речь шла о защите территории — которая теперь вновь под ударом — размером не больше Ломбардии.

Дуглас Барри (International Institute for Strategic Studies) утверждает, что возможное нападение на Европу будет иметь другую продолжительность, другой масштаб и другой технологический потенциал и может произойти, учитывая возможности подводных лодок, с разных географических направлений. Именно поэтому в данном случае «мы можем использовать слово "щит" только с точки зрения политической перспективы, но в оперативном смысле это будет только вводить в заблуждение, поскольку преувеличит ожидания» (Aviation Week & ST, 3 июня).

Документ ECFR (Европейского совета по международным отношениям) подтверждает это и идёт дальше: «распространение эффективного щита на европейскую территорию НАТО было бы технически невозможно и непомерно дорого»; скорее, оборона должна быть интегрирована «с наступательными системами», способными «влиять на восприятие риска противником», с дальностью действия от 300 до 2000 км, пишут немецкие учёные Рафаэль Лосс и Ангела Мерер.

Способность наносить удары в глубину, в связке с противовоздушной обороной и ядерным сдерживанием, — это именно те вопросы, которые Эммануэль Макрон потребовал поднять, чтобы начать «стратегическую» дискуссию по перевооружению Европы. Здесь должен быть тщательно выстроен баланс между Парижем и Берлином, и проект ELSA должен стать первым шагом в этом направлении.

Рождение MBDA

MBDA родилась в 2001 г. в результате слияния компаний из Франции, Великобритании и Италии, таких как BAЕ Dynamics, Matra, Aérospatiale, GEC Marconi, Alenia и их совместных предприятий. В 2006 г. был добавлен немецкий компонент в виде LFK. Слияние компаний в виде MBDA примечательно уже само по себе, но интересно вспомнить и те события, которые ему предшествовали и его подготавливали, поскольку они иллюстрируют попытки Европы добиться для себя частичной автономии именно в той сфере, которая стала сегодня объектом противостояния.

В 1996 г. Лондон и Париж предпочли заказать крылатые ракеты не у американских производителей, а у вновь со-

MBDA

MISSILE SYSTEMS

Компания создана в 2001 г.

Оборот за 2023 г.: 4,5.

Заказы по состоянию на 2023 г.: 9,9.

Портфель заказов: 28,0.

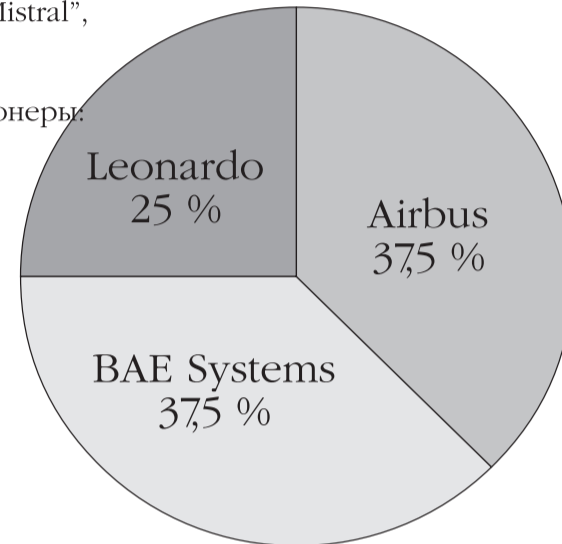
(данные в миллиардах евро)

Кол-во сотрудников по состоянию на 2023 г.: 15 тыс.

Кол-во новых сотрудников: 2 тыс.

Основные продукты: "MICA", "Meteor", "SCALP", "Storm Shadow", "Taurus", "Mistral", "Aster", "Exocet".

Акционеры:

Источник: MBDA.

зданной компании Matra BAЕ Dynamics. Именно из этого проекта родились сегодняшние "Storm Shadow" и "SCALP". В 1999 г. министерство обороны Великобритании обратилось к той же компании с просьбой оснастить свои истребители "Eurofighter Typhoon" ракетой "Meteor" класса "воздух — воздух" вместо "ERAAM+" от американской Raytheon. Оснащение европейского истребителя европейской ракетой позволило экспортировать истребители "Eurofighter" без необходимости предварительного одобрения Америки. Сегодня ракеты "Meteor" также устанавливаются на французские истребители "Rafale", шведские "Gripen", а вскоре будут ставиться и на "F-35", которыми располагает Европа. Глава MBDA француз Эрик Беранже полагает, что если говорить о европейском производстве, то Великобританию можно считать географически частью континентального круга.

Возобновить производство

MBDA приняла решение инвестировать 2,5 млрд евро в течение следующих 5 лет в увеличение производственных мощностей всех своих заводов. Сборка инертных частей почти всех основных ракет, производимых группой, сосредоточена в британском Болтоне (под Манчестером). Сегодня годовая производственная мощность этого завода составляет около 800 экземпляров, а к 2026 г. она должна достичь 1.800. На французском заводе в Бурже конструктивные элементы ракет дорабатываются с использованием алюминия, титана и композитов, а затем свариваются автоматическими машинами. Здесь же производятся и электродвигатели. Только часть продукции используется на месте для сборки ракет "Aster" и "SCALP", остальная часть распределяется по другим заводам.

Устройства самонаведения и обтекатели — передние части ракет, содержащие устройства теплового наведения и генерирующие радиолокационные сигналы, управляющие полётом ракеты, — поступают в Болтон с итальянского завода вблизи озера Фузаре. Твердотопливные двигатели, которые приводят ракеты в движение и обеспечивают им очень высокую скорость, производят-

ся компанией Bayern-Chemie немецкой MBDA. Часть ракет морского базирования собирается на заводе в Ла Специи. Ракеты для систем "Patriot" для европейских заказчиков производятся на совместном предприятии с RTX в Шробенхаузене (Бавария). Производство же крылатых ракет "Taurus" остановлено, но может быть возобновлено.

Financial Times пишет, что в британских арсеналах имеются 850 "Storm Shadow", во французских арсеналах — 460 "SCALP" и в немецких арсеналах — 600 "Taurus". Английская газета цитирует эксперта Фабиана Хоффмана из Университета Осло, по мнению которого, «у нас недостаточно этих ключевых технологий в современной войне, и мы недостаточно их производим» (16 марта). При этом, по данным RUSI (Королевского объединённого института оборонных исследований), Россия увеличила мощности по производству ракет большой дальности до 100 в месяц.

Эрик Беранже подчёркивает сложность производства группы MBDA, но признаётся: «Нужно понимать, что с февраля 2022 года эпоха жестоко и внезапно изменилась. На протяжении десятилетий имели значение только технологические характеристики системы и обмен квотами рабочей силы между странами, а время не имело значения. Теперь всё резко изменилось» (Le Figaro, 14 марта).

Financial Times от 10 апреля пишет, что за почти четверть века существования MBDA её менеджеры пользовались большей автономией, чем их коллеги из других военных групп: «Достижение сотрудничества в производстве ракет [...] было проще, чем сотрудничество между более крупными проектами, такими как, например, производство танков и самолётов, [потому что в этом случае отдельным странам] не нужно было учитывать общие аспекты суверенитета, которые вполне типичны для более широких программ». Эта предпринимательская автономия сегодня служит политической необходимостью перевооружения европейского империализма.

Европейские крупные группы в 2023 году

Электрический переход и азиатское вторжение сотрясают

По итогам 2023 года совокупный оборот рассмотренных нами ста европейских групп вырос на 0,5 % – сравните с прошлогодним ростом в 22,8 %, – при этом прибыль выросла на 1,2 %, а занятость – на 1,5 %. Лучшие показатели продемонстрировали машиностроение, где доходы увеличились на 13,6 %, в том числе благодаря европейским планам восстановления после Covid; аэрокосмическая и оборонная промышленность +9,6 %, благодаря войне на Украине и планам государств по перевооружению; автомобили и комплектующие +9,1 % и текстильная промышленность и мода +8,8 %.

Сократился оборот в таких секторах, как энергетика и коммунальные услуги (-22,2 %) из-за обвала цен на энергоносители; транспорт (-15,2 %); сталелитейная промышленность (-10,6 %) из-за падения цен и усиления конкуренции со стороны Азии; химия и фармацевтика (-9,5 %), на который сильное влияние оказали падение спроса на вакцины и кризис BASF.

Немецкий химический гигант потерял 21 % своих доходов из-за сложностей на внутреннем рынке, на котором сказался недостаток дешёвого российского газа, крупным потребителем которого являлась группа; к этому следует добавить проблемы на других зарубежных рынках – явление, характерное и для других крупных немецких компаний, таких как Bayer (-6 % доходов и почти 3 млрд евро убытков) и Covestro, отделившейся от Bayer в 2015 году и активно занимающейся производством пластмасс для бытовой техники и автомобилей. Covestro завершила год с падением доходов на 20 %, до 14,4 млрд евро, и теперь находится в поле зрения ADNOC – нефтехимического гиганта из ОАЭ, который намерен инвестировать 150 млрд долл. к 2027 году.

Немецкая инициатива Unicredit

Наилучшие результаты показал банковский сектор, который завершил 2023 год с доходом в 48 % благодаря высокой процентной марже из-за высоких ставок, а также с ростом прибыли на 38 %, до 159 млрд евро, которая частично досталась акционерам, включая дивиденды и обратные выкупы, с целью привлечения инвесторов и увеличения капитализации. Но, столкнувшись со снижением ставки ЕЦБ (последнее снижение на 0,25 % произошло 12 сентября) и задачей поддержать финансово буксующую европейскую экономику, буржуазии понадобится более эффективный банковский сектор, который был бы способен выстоять в мировом сражении капиталов, учитывая его важную роль в управлении государственным долгом. На заднем плане виднеются также перспективы, обозначенные экс-председателем ЕЦБ Марио Драги: он призывает одобрить инвестиционный план в 800 млрд евро ежегодно, чтобы принять вызов США и Китая.

Многие читали о шаге Unicredit (второй итальянский банк, одиннадцатый по размеру активов и четвёртый по капитализации в ЕС, последняя составляет 60 млрд евро), который инвестировал 1,5 млрд евро, став вторым по величине (9 %) акционером Commerzbank после немецкого государства.

Связь между Италией и вторым немецким банком (с активами 517 млрд евро и капитализацией 17 млрд евро; на его спасение в ходе кризиса 2008 года правительство потратило 18 млрд евро) имеет долгую историю: Commerzbank входил в число финансистов Comit в 1894 году и столетие спустя стал её акционером; он также был акционером Assicurazioni Generali, которая, в свою очередь, приобрела 10 % акций немецкой банковской группы.

После того, как эти связи на какое-то время были разорваны, сегодняшний шаг Commerzbank может стать началом тех слияний внутри ЕС, которых желали многие, в первую очередь ЕЦБ. Unicredit, который с 2005 года контролирует третий немецкий банк HVB, уже пытался объединиться с Commerzbank, но был вынужден отказаться от этого из-за противодей-

ствия некоторых немецких акционеров, политиков и профсоюзов.

Ver.Di, федерация профсоюзов, присутствующая в наблюдательном совете банка под руководством бывшего главы Бундесбанка Йенса Вайдмана, категорически против возможного слияния из-за опасений увольнения и потери центров принятия решений, как это произошло в случае HVB. В худшем случае профсоюзы просят государство изучить возможность объединения с французским банком. Среди вариантов ходят слухи об интересе со стороны BNP Paribas, первого по размеру активов банка ЕС (2,59 трлн евро), но он проиграл Unicredit на аукционе по продаже 4,5 % акций Commerzbank, выставленных правительством Германии.

По данным Financial Times, Берлин был достигнут врасплох Unicredit, который к тому времени завладел 4,5 % рынка. Андреа Орсель, эксперт по слияниям и поглощениям, сделавший карьеру в Merrill Lynch и UBS, под руководством которого Unicredit увеличил свою стоимость в четыре раза за четыре года, напротив, объяснил Bloomberg, что «все заинтересованные стороны были хорошо осведомлены о том, что мы делаем, и иначе мы бы не поступили», подтвердив Handelsblatt, что Commerzbank стремился к слиянию.

Не вдаваясь в подробности, президент Бундесбанка Йоахим Нагель подтвердил, что Германии нужны более сильные банки для финансирования бизнеса. Правительство Германии по-прежнему является крупнейшим акционером Commerzbank с долей в 12 % и не будет продавать дополнительные акции в течение трёх месяцев. Кроме того, чтобы продать более 10 % акций, необходимо получить согласие ЕЦБ.

«Европейские чемпионы» в очереди в кассу

В этом вопросе имеют вес не только политики, профсоюзные деятели и европейские институты, но, прежде всего, акционеры двух банков, пять из которых присутствуют в обеих компаниях и обладают совокупной долей в 17–18 % акций – это BlackRock, Vanguard, Norges Bank, Credit Agricole и немецкий Allianz, исторический акционер и партнёр Unicredit.

Deutsche Bank, ведущий немецкий банк, в прошлом несколько раз обсуждал слияние с Commerzbank, но теперь отодвинулся на седьмое место среди крупнейших европейских банков. Похоже, что его призвали вмешаться, но он всё ещё продолжает свою реструктуризацию и планирует совершить ещё 3,5 тыс. увольнений.

Тем временем в Испании BBVA, двенадцатый по размеру активов банк в ЕС, подал заявку на враждебное поглощение Banco Sabadell на сумму 11,5 млрд евро, в результате чего его активы превысят 1 трлн евро; операция одобрена ЕЦБ, но против неё выступили правительство Испании и сам Banco Sabadell. Во Франции BNP Paribas приобрёл AXA IM у материнской компании за 5,1 млрд евро, увеличив находящиеся под его управлением активы на 850 млрд евро, и теперь их общая сумма достигла 1,5 трлн евро. В ЕС он идёт позади Amundi (Credit Agricole) с 2,15 трлн евро и впереди Natixis (BPCE) с 1,23 трлн евро.

В Италии на карту поставлена продажа последних акций MPS (26,7 %) со стороны казначейства для создания третьего банковского хаба; что касается его крупнейшего акционера с 9 % акций и седьмого банка в Италии Banco BPM, то среди кандидатов на участие в его капитале обсуждается Credit Agricole.

Увольнения и выпуск

Ещё один сектор, в отношении которого Драги в своём докладе видит почти немедленные последствия, – это автопром, который испытывает трудности с электрическим переходом из-за низкого спроса и иностранной конкуренции, причём не только китайской. За несколько дней до

того, как бывший председатель ЕЦБ представил документ о конкурентоспособности, Volkswagen впервые в своей истории объявила о возможном закрытии одного-двух заводов в Германии и аннулировала профсоюзное соглашение 1994 года, которое гарантировало занятость до 2029 года.

По мнению американской компании Jefferies, Volkswagen будет стремиться к сокращению 15 тыс. человек и закрытию двух-трёх заводов, так как её план экономии (10 млрд евро к 2026 году) недостаточен: необходимо ещё как минимум 5 млрд евро, поскольку рентабельность рухнула до 2,6 % по сравнению с целью на 2026 год в 6,5 %. По словам финансового директора VW Арно Антлица, падение европейских продаж почти на 2 млн с 2019 года означает сокращение на 500 тыс. автомобилей в год, что эквивалентно мощности двух заводов.

Профсоюз IG Metall, который занимает долю в наблюдательном совете VW в виде 50 % членов, к которым присоединились 20 % членов от земли Нижняя Саксония, возглавляемой СДПГ и традиционно поддерживающей профсоюз, уже пообещал бороться. Ещё неизвестно, в какой степени решение VW является отражением структурного кризиса европейской автомобильной промышленности, а в какой – переговорным манёвром, направленным на получение помощи от правительства и новой Еврокомиссии (см. план Драги).

ACEA, отраслевая ассоциация, возглавляемая Лукой Де Мео (Renault), просит отложить с 2025 по 2027 год сокращение выбросов на 15 % за четырёхлетний период, поскольку это невыполнимое условие для многих производителей, учитывая низкий уровень продаж электромобилей. Масштаб риска, если рассчитать его из обещанных 95 евро штрафа за грамм превышения выбросов CO₂ на автомобиль, составляет 15 млрд евро убытков в год; другой вариант – остановка производства и продажи 2,5 млн автомобилей с ДВС с последующими сокращениями штатов и остановкой заводов. Этот страх не разделяет Stellantis, вышедшая из ACEA в 2022 году из-за разногласий по вопросу электрификации. Возможно, потому что, по данным El Economista, она ближе всего к цели (для её достижения Stellantis необходимо сократить всего 5 граммов CO₂, в то время как дальше всего находится VW – 22 грамма, а Renault должна сократить 11 граммов).

Кризис в автомобильном секторе оказывает влияние и на производителей комплектующих: в Германии ZF Friedrichshafen, третья по величине группа в мире, намерена закрыть два предприятия с 12 тыс. сотрудников и переехать в Восточную Европу и Азию; Continental изучает возможность выделения автомобильного подразделения с доходом в 20,3 млрд евро и штатом в 100 тыс. сотрудников, чтобы сосредоточиться на производстве шин с доходом в 20,8 млрд евро и 100 тыс. сотрудников, закрыв к 2025 году два предприятия в Германии с 7,15 тыс. рабочими местами.

Германию кризис затрагивает в большей степени, чем других партнёров, поскольку на её территории занята 1/3 из 2,4 млн работников европейской автомобильной промышленности, а также имеет сильную концентрацию заводов и секторов, связанных с автомобилестроением, таких как химия, машиностроение и металлургия. Производство автомобилей и автофургонов с 2019 по 2023 год в Европе (включая Великобританию) сократилось на 13 % (до 15,3 млн ед.), но уже в 2019 году, ещё до Covid, оно потеряло 4,7 % по сравнению с китайским скачком на 12 %, до 30,1 млн ед., или 1/3 мирового производства.

Заграждения и пошлины

В Европе из-за неравномерного развития Германия потеряет 12 % производства автомобилей и автофургонов за 5 лет, которое составит 4,1 млн ед.; во Франции производство сократится на 31 %, до 1,5 млн ед.; в Испании упадёт на 13 %, до 2,45 млн ед.;

в Великобритании – на 6 %, оставшись чуть выше 1 млн ед.; в Польше – на 6 %, до 612 тыс. ед., в Италии – на 4 %, до 880 тыс. ед. Зато вырастет в Румынии (+5 %, достигнув 513 тыс. ед.), Венгрии (+2 %, до 507 тыс. ед.) и Бельгии (+16 %, до 332 тыс.). Наконец, упадёт в Словакии (-3 %, до 1,08 млн) и Чехии (-2 %, до 1,4 млн), которые с 2000 года увеличили производство в 5 и 3 раза соответственно. Словакия является десятой европейской страной по занятости в сфере автомобилестроения (76 тыс. человек), Чехия – четвёртой (172 тыс.). Они обгоняют Испанию (142 тыс.) и Италию (165 тыс., из которых, по данным профсоюзов, 25 тыс. находятся в группе риска).

Однако, если мы примем во внимание результаты мирового сражения в автопроме за последние 20 лет, то данные по отдельным странам будут вводить в заблуждение, скрывая два ключевых факта – включение Восточной Европы в европейскую производственную цепочку и вторжение Китая, сопровождающееся переселением крупных европейских групп на Восток и их участием в восхождении китайской автомобилизации. Если мы посмотрим на страны, то с 2000 года Германия потеряла 25 % своего производства, Франция и Италия сократили его вдвое, а Испания потеряла 19 %. Однако производители немецких производителей на всех рынках выросли с 5,1 млн до 9,2 млн автомобилей у Volkswagen, с 844 тыс. до 2,5 млн у BMW и с 2,2 млн до 2,5 млн у Daimler (без учёта Chrysler). Общий рост производства немецких групп составил 76 %, и они вошли в число победителей первой четверти века.

Но сейчас началось новое глобальное сражение, сосредоточенное на электрическом переходе и международной проекции Китая, который сейчас обеспечивает 1/3 мирового производства (25 млн автомобилей) – столько же, сколько Европа и Северная Америка вместе взятые. Volkswagen не только испытала неустойчивость из-за своего присутствия в Китае, но и была застигнута врасплох колеблющимся спросом в Европе, которая в любом случае отдаёт предпочтение гибриду перед «полностью электрическим» автомобилем и обеспокоена появлением китайских конкурентов.

В связи с этим Брюссель в дополнение к нынешним 10 %-м пошлинам на электромобили ввёл новые: на 37,6 % больше для SAIC, на 19,9 % для Geely, на 17,4 % для BYD и на 21 % для BMW Brilliance, FAW-VW, Changan, Dongfeng (включая совместное предприятие с Citroën-Stellantis) и других групп.

Пошлины будут действовать в течение пяти лет, если их одобряют страны ЕС: на предыдущем голосовании Венгрия, Словакия, Мальта и Кипр были против, а Испания, которая голосовала за, теперь может передумать, опасаясь возмездия в отношении свинины и сталкиваясь с колебаниями китайских инвесторов в отношении автомобилей, аккумуляторов и энергетики.

Что касается Германии, она настаивает на соглашении, опасаясь, что Пекин повлияет на экспорт больших автомобилей с двигателем внутреннего сгорания в Китай – рынок, который приносит немецким группам 1/3 их доходов.

Европейцы в своём наступлении следуют за американцами с их 100 %-ми пошлинами, но наряду с намерением сократить китайский импорт в ЕС, который, по данным Института Петерсона, вырос с 57 тыс. автомобилей в 2020 году до 437 тыс. в 2023-м (при этом доля электромобилей составляет 15 % по сравнению с 5 % в 2015 году), существует линия, которая хотела бы подтолкнуть китайцев к производству продукции на Старом континенте.

Итальянское правительство, проголозовавшее за пошлины, уже ведёт переговоры с четырьмя китайскими компаниями, в то время как Chery уже прибыла в Испанию в альянсе с EV Motors с намерением к 2029 году произвести 150 тыс. электромобилей марки Ebro на бывшей площадке Nissan в Барселоне.

крупные группы европейской промышленности

Citigroup считает, что пошлины будут стимулировать консолидацию китайского автомобильного сектора и сыграют на руку более крупным группам, таким как BYD и Geely (которые уже присутствуют в Европе через Volvo и Polestar), чей владелец Ли Шуфу является вторым по величине акционером Mercedes с долей 9,69 % акций, уступая лишь другому крупному китайскому акционеру BAIC (9,98 %).

По этой же причине протекционизм ЕС и США критикует и *Financial Times*, по мнению которой, он рискует усилить Китай, где местные группы уже доминируют на рынке электромобилей, который в конце года должен закрыться на уровне производства в 10,5 млн ед., то есть увеличиться на 1/3, в то время как в Европе это число составит 3,1 млн ед., как и в 2023 году.

Азия из стали

Европейская борьба за энергетическую и промышленную реструктуризацию имеет свой эпицентр в Германии и приводит в состояние фибрилляции те части капитала и социальные слои, которые видят угрозу своим условиям жизни. Возникшие в результате этого электоральные восстания вознаградили критиков "Green Deal", с которыми, следовательно, придётся искать компромисс, поскольку ставки слишком высоки, а миллиардные суммы, уже вложенные или подлежащие вливанию, слишком велики. Взгляните на судостроение и сталелитейную промышленность, сильно пострадавшие от скачка стоимости энергии и сырья, а также сравните темпы роста в этих секторах с показателями Китая и Азии, которые доминируют во многих цепочках поставок.

В Германии историческая верфь *Meyer Werft* только что была спасена федеральным правительством и землёй Нижняя Саксония путём вливания 400 млн евро, при этом Берлин оправдывает операцию возможным переводом верфи в собственность военных, однако всё это подчёркивает напряжённость в секторе, который, по данным BRS, сконцентрировался, сократившись с более чем 700 до 300 строительных площадок с 2007 года, из которых 170 расположены в Китае (было 353).

В *ThyssenKrupp* конфликт между генеральным директором Мигелем Лопесом и сталелитейным подразделением с 27 тыс. сотрудников и оборотом в 12 млрд евро привёл к отставке председателя наблюдательного совета, бывшего министра от социал-демократов Зигмара Габриэля (который также входит в совет директоров Deutsche Bank и Siemens Energy), генерального директора Бернхарда Осбурга и различных членов руководства.

Поводом для конфликта стал план реструктуризации группы, который включал продажу 20 % TKS компании EPCG чешского миллиардера Даниэля Кретинского, доля которого затем может увеличиться до 50 %. В 2023 году TKS опустилась с 41-го на 43-е место в мире, несмотря на рост производства с 9,9 до 10,3 млн тонн, поскольку в секторе доминируют постоянно растущие китайские группы. По данным отраслевой ассоциации WSA, в 2023 году в топ-20 вошли 11 китайских групп, а в топ-50 – 28, за ними следовали четыре индийские группы (Tata, JSW, Sail и Jindal), две из Южной Кореи и две из Японии (среди которых присутствует Nippon Steel, которая, столкнувшись с политическими препятствиями на пути покупки US Steel, похоже, нацелилась на бывшую Ilva) и одна из Ирана, в результате чего Азия заняла 37 мест из 50.

Остальные места отошли США (4 группы), ЕС (3 группы, включая *ArcelorMittal*, вторую компанию в мире), России (2 группы), Аргентине (1 группа Tenaris-Techint), Бразилии (1 группа) и Украине (1 группа Metinvest, которая будет инвестировать в завод в итальянской коммуне Пьомбино вместе с Danieli и проявляет интерес к бывшей Ilva).

100 КРУПНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГРУПП В ЦИФРАХ												
ПРОМЫШЛЕННЫЕ И ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ (в миллионах евро)		ОБОРОТ		ЧИСТАЯ ПРИБЫЛЬ (1)		АКТИВЫ		СОБ. КАПИТАЛ		КОЛ-ВО ЗАНЯТЫХ		
Государство	2023	Разн. в % к 2022	2023	Разн. в % к 2022	2023	Разн. в % к 2022	2023	Разн. в % к 2022	2023	Разн. в % к 2022		
Текстильная промышленность – мода												
LVMH	Франция	86.153	+8,8	15.952	+8,1	143.694	+6,7	61.017	+10,7	213.268	+8,8	
Аэрокосмическая и оборонная промышленность												
AIRBUS	Голландия	65.446	+11,4	3.613	-12,6	118.871	+2,5	17.695	+36,6	147.893	+10,1	
BAE SYSTEMS	Великобритания	26.533	+8,6	2.230	+15,8	36.895	+1,9	12.150	-5,9	89.000	+7,2	
LEONARDO	Италия	15.291	+3,9	695	-25,4	30.693	+7,4	7.800	+8,6	52.042	+3,8	
Производство продуктов питания, напитков												
NESTLÉ	Швейцария	95.697	-1,5	11.843	+19,9	136.663	-6,4	38.598	-14,9	270.000	-1,8	
UNILEVER	Великобритания	59.604	-0,8	7.140	-13,7	75.266	-3,3	18.102	-4,8	128.000	+0,8	
ANHEUSER-BUSCH INBEV	Бельгия	54.915	+2,8	6.373	-9,3	198.498	+3,0	74.071	+11,5	154.540	-7,3	
DANONE	Франция	27.619	-0,2	953	-6,8	44.486	-1,8	16.176	-9,7	88.843	-7,6	
Автомобили и комплектующие												
VOLKSWAGEN	Германия	322.284	+15,4	17.928	+13,2	600.338	+6,3	175.694	+6,2	678.825	+1,4	
STELLANTIS	Голландия	189.544	+5,5	18.625	+11,0	202.128	+8,6	81.693	+13,5	271.292	-4,1	
BMW	Германия	155.498	+9,0	12.165	-34,5	250.890	+1,6	89.596	+2,8	154.950	+3,7	
MERCEDES BENZ	Германия	153.218	+2,1	14.531	-1,9	263.022	+1,2	91.773	+7,4	168.336	-1,8	
BOSCH	Германия	91.596	+3,8	2.640	+43,6	108.330	+8,1	45.533	+2,9	429.367	+3,8	
DAIMLER TRUCK	Германия	55.890	+9,7	3.971	+43,7	71.212	+11,3	21.605	+7,7	109.933	+1,4	
RENAULT	Франция	52.376	+12,9	2.315	+430,7	(-)	121.913	+3,0	29.752	+3,3	105.655	-2,9
VOLVO	Швеция	48.155	+16,7	4.350	+51,5	60.749	+7,2	16.023	+9,3	89.282	+3,4	
ZF	Германия	46.627	+6,5	126	-66,5	39.170	+0,6	7.166	-11,0	166.679	+2,5	
Химия – фармацевтика												
BASF	Германия	68.902	-21,1	379	+196,9	(-)	77.395	-8,4	35.277	-10,9	111.590	+0,5
ROCHE	Швейцария	62.195	-9,0	12.717	-8,7	97.698	+2,6	31.658	+4,7	103.605	=	
BAYER	Германия	47.637	-6,1	-2.942	-170,6	(+)	116.259	-6,9	32.927	-15,1	101.198	+0,1
SANOI	Франция	43.070	+0,2	5.436	-35,9	126.464	-0,2	74.040	-1,0	87.994	-3,9	
NOVARTIS	Швейцария	42.023	-10,1	13.737	+113,6	90.448	-14,9	42.233	-21,4	104.323	+2,6	
GLAXOSMITHKLINE	Великобритания	34.868	+3,4	6.103	-66,0	67.896	-1,9	15.358	+25,9	70.244	-22,3	
Строительство – инжиниринг												
VINCI	Франция	68.838	+11,6	5.102	+15,5	118.558	+5,9	28.113	+8,4	279.266	+2,8	
BOUYGUES	Франция	56.017	+26,4	1.201	+6,2	60.746	+0,2	12.408	+1,6	201.498	+2,7	
ACS	Испания	35.738	+6,3	928	+6,3	36.498	-2,9	5.008	-3,1	133.890	+5,6	
HOCHTIEF	Германия	27.756	+5,9	544	+5,6	19.006	+3,9	1.235	+8,9	39.413	+13,4	
Розничная торговля												
SCHWARZ-LIDL	Германия	167.200	+8,5	nd	nd	nd	nd	nd	nd	575.000	=	
ALDI	Германия	110.000	-0,5	nd	nd	nd	nd	nd	nd	292.200	+1,6	
AHOLD DELHAIZE	Голландия	88.649	+1,9	1.874	-26,4	47.821	-1,5	14.755	-4,2	402.000	-2,9	
REWE	Германия	83.987	+8,8	736	+46,0	40.026	+4,6	9.732	+6,6	389.300	+1,3	
CARREFOUR	Франция	83.270	+0,2	1.642	+4,9	56.171	-0,7	11.539	+3,5	310.292	-0,1	
TESCO	Великобритания	78.792	+3,7	1.377	+60,1	54.917	+2,0	13.626	-4,7	337.518	+0,2	
IKEA	Швеция	47.600	+6,7	1.639	+130,8	23.001	-6,8	17.758	+80,3	219.000	-5,2	
AUCHAN	Франция	32.902	-1,7	-378	-1000,0	(+)	20.784	+0,8	5.626	-8,2	155.179	-3,9
Электромеханика – электроника – информационные технологии												
SIEMENS	Германия	77.769	+8,0	8.529	+94,2	145.067	-4,2	47.791	-2,3	316.000	+2,6	
SCHNEIDER ELECTRIC	Франция	35.902	+5,1	4.169	+17,9	58.899	+0,9	26.462	+4,0	168.044	+3,5	
SAP	Германия	31.207	+1,1	5.964	+249,2	68.335	-5,3	43.157	+7,4	106.043	-4,5	
ABB	Швейцария	29.811	+9,5	3.536	+47,4	37.050	+4,6	12.136	+5,0	107.900	+2,7	
ERICSSON	Швеция	22.942	-3,0	-2.274	-236,6	(+)	26.770	-15,0	8.893	-26,8	101.644	-0,1
Энергетика – коммунальные услуги												
SHELL	Великобритания	292.814	-17,0	18.160	-54,2	367.665	-8,3	168.875	-2,0	100.000	+14,9	
TOTAL ENERGIES	Франция	202.483	-16,8	19.893	+2,2	256.700	-6,7	105.659	+4,5	102.579	+1,3	
BP	Великобритания	194.331	-13,0	14.686	+1270,2	(-)	253.660	-2,7	63.605	+4,0	79.400	+19,8
ELECTRICITE DE FRANCE	Франция	139.715	-2,6	7.612	+141,8	(-)	364.812	-6,0	52.168	+51,9	171.862	+4,1
UNIPER	Германия	107.915	-60,6	6.336	+133,1	(-)	54.961	-54,8	10.208	+141,4	6.783	-2,9
EQUINOR	Норвегия	99.116	-28,9	11.009	-58,6	129.937	-9,1	43.882	-10,2	22.600	+2,1	
ENEL	Италия	95.565	-32,0	4.267	+46,1	195.224	-11,1	31.755	+10,8	64.396	-3,1	
ENI	Италия	94.816	-29,1	4.860	-65,2	142.606	-6,3	53.184	-2,9	33.142	+3,0	
E.ON	Германия	93.686	-19,0	699	-68,8	113.506	-15,3	14.114	-11,4	71.629	+4,0	
ENGIE	Франция	82.565	-12,0	2.903	+644,4	194.640	-17,3	30.057	-12,3	98.791	+0,8	
PKN ORLEN	Польша	82.071	+34,3	4.563	-38,4	60.878	-3,0	35.046	+11,9	66.554	+3,2	
REPSOL	Испания	58.538	-21,8	3.284	-24,4	61.633	+2,8	26.150	+6,3	24.680	+3,4	
IBERDROLA	Испания	49.335	-8,6	5.415	+5,5	150.033	-3,0	43.111	+4,8	41.448	+3,4	
VEOLIA	Франция	45.351	+5,8	1.334	+33,7	72.566	-1,0	12.311	+0,5	218.288	+2,2	
OMV	Австрия	39.463	-36,7	1.917	-63,0	50.663	-10,2	18.238	-4,8	20.592	-7,7	
Металлургия – сырьевой сектор												
ARCELOR MITTAL	Голландия	63.142	-14,5	945	-89,3	84.993	-0,7	48.833	+1,5	126.756	-17,9	
SAINT GOBAIN	Франция	47.944	-6,4	2.756	-11,1	57.299	+3,5	23.273	+2,5	161.668	-4,6	
THYSSENKRUPP	Германия	37.536	-8,8	-1.986	-262,8	(+)	33.291	-11,2	11.838	-16,6	98.216	-0,2
Телекоммуникации												
DEUTSCHE TELEKOM	Германия	111.970	-2,0	21.992	+131,9	290.305	-2,8	56.925	+17,2	204.856	-3,0	
ORANGE	Франция	44.122	+1,5	2.892	+10,5	110.052	+0,4	31.825	+0,1	137.094	+0,5	
TELEFONICA	Испания	40.652	+1,6	-574	-124,8	(+)	104.324	-4,9	21.852	-12,9	104.124	+1,5
VODAFONE	Великобритания	36.717	-2,5	1.505	-87,8	144.350	-7,2	59.966	-5,4	96.282	-1,9	
BRITISH TELECOM	Великобритания	24.093	+0,6	991	-55,1	60.506	-1,9	14.639	-13,8	94.900	-3,9	
TIM	Италия	16.502	+3,1	-1.107	+58,3	62.159	+0,2	13.646	-9,4	43.145	-6,0	
Транспорт												
DEUTSCHE POST DHL	Германия	81.758	-13,4	3.935	-31,2	66.814	-2,1	22.477	-3,3	591.412	+0,4	
MOLLER-MAERSK	Дания	47.226	-37,4	3.614	-86,7	74.299	-12,4	48.896	-15,6	105.909	+1,6	
DEUTSCHE BAHN	Германия	45.191	-19,7	-2.351	-935,7	77.472	+1,5	9.981	-20,4	338.551	+0,7	
CMA CGM	Франция	43.485	-36,9	3.366	-85,4	nd	nd	nd	nd	160.000	+3,2	
SNCF	Франция	41.760	+0,8	1.409	-44,0	130.255	-2,1	27.552	=	282.786	+2,4	
LUFTHANSA	Германия	35.442	+8,2	1.689	+110,1	45.321	+4,6	9.659	+14,9	110.264	+3,2	
LA POSTE	Франция	34.073	-3,7	776	-48,5	765.524	-1,0	22.424	+27,8	232.726	-2,2	
AIR FRANCE-KLM	Франция	30.019	+13,7	990	+33,1	34.490	+6,8	-2.051	+31,7	77.806	+4,3	
POSTE ITALIANE	Италия	20.659	+22,9	1.933	+27,9	270.827	+3,5	10.322	+16,1	114.613	-1,0	
СТРАХОВАНИЕ (в миллионах евро)												
Государство		2023	Разн. в % к 2022	2023	Разн. в % к 2022	2023	Разн. в % к 2022	2023	Разн. в % к 2022	2023	Разн. в % к 2022	
ALLIANZ	Германия	983.174	-3,8	9.032	+25,8	107.853	+4,6	58.477	+13,6	158.568	+0,8	
AXA	Франция	644.449	-7,5	7.373	+7,5	84.414	+0,7	49.579	+9,3	147.000	+1,4	
GENERALI	Италия	508.611	-2,0	4.037	+26,6	55.044	+13,2					

Фрагментированные и соперничающие на

Сионистский проект как еврейское националистическое движение, опирающееся на разнородную массовую базу, был запоздалым экспериментом по национальному решению «еврейского вопроса» в Европе. В идеологическом и практическом плане он восстанавливал исторический суверенитет еврейского народа в Палестине, которая служила одной из культурных связующих нитей диаспоры, особенно европейской. Проект был воплощён в жизнь в результате двух мировых войн, благодаря игре международного баланса сил и процессу деколонизации, иными словами, благодаря свёртыванию и распаду прежних европейских имперских позиций. Он находил поддержку у США и СССР, а впоследствии и у европейских империалистических держав. Менее зрелый и более слабый палестинский национализм оказался проигравшим.

Непримиримые принципы буржуазной теории государства

Арриго Черветто подчёркивал, что это относилось и к другим народам, например, к армянам и курдам.

В июне 1982 г. в наработках Черветто, в анализе Фолклендской войны между Аргентиной и Великобританией, мы находим размышления о «двух непримиримых принципах буржуазной теории государства»: суверенитете и самоопределении народов – «ссорившиеся в течение столетий и примирявшиеся только за счёт тех, кто не обладал даже малейшей силой для того, чтобы отстаивать их». «Демократической теории государства никогда не удавалось привести их к согласию, и окончательный вердикт всегда оставался за оружием, чьи подвиги отмечены в истории любого государства».

Требование права на национальный суверенитет «мало того, что противоречит суверенитету других государств, ещё и не совпадает с правом народов на самоопределение, поддерживаемым некоторыми меньшинствами». Это условия, в которых находятся все государства, «являющиеся продуктом внутренних и внешних войн, разнообразных альянсов, бесконечного числа исторических обстоятельств, неравного соотношения экономических сил, использования организованного насилия. Большая часть государств, признанных ООН, сформировалась за последние тридцать пять лет. Почти все они включили в свой состав народы разного этнического происхождения и получили свои права на национальный суверенитет при помощи того же насилия, которое колониализм и империализм осуществляли над ними. Многие из этих государств унаследовали границы, установленные административным путём старыми метрополиями. Некоторые из этих государств были или уже разделены, или находились на грани раздела»¹.

Из Бейрута в Осло

Месяц спустя Черветто применил этот же теоретический подход к вторжению Израиля в Ливан. Палестинский национализм, как он писал, был зажат между «многочисленными и противостоящими друг другу интересами»², которые проявились в ходе ливанского конфликта: сперва его взращивали и превращали в орудие, а затем бросили на произвол судьбы под ударами превосходящей израильской военной машины. «Устраняя ООП как военную организацию, израильское государство», помимо прочего, стремилось подтолкнуть палестинскую буржуазию оккупированных территорий в «к интеграции»³ в единый рынок, к чему она быстро двигалась и до этого. Результат, отмечал Черветто, не был предопределён, хотя тенденция к интеграции существовала у палестинской буржуазии.

Течения, выступающие против формирования палестинского государства,

в частности, в партии «Ликуд» – например, Ариэль Шарон, – поддерживали (а некоторые до сих пор поддерживают) тезис о том, что такое государство уже существовало в Королевстве Иордания.

Так называемый «иорданский вариант» был предложен лейбористскими течениями, например, Шимоном Пересом, и подразумевал создание регионального общего рынка и таможенного союза Израиля, Иордании и палестинских территорий. Эта гипотеза получила развитие в соглашениях 1993 года в Осло, с учётом перспектив формирования регионального рынка. Черветто дал ей оценку сразу после заключения Кэмп-Дэвидских соглашений 1978 года между Египтом и Израилем и затем ещё раз, размышляя о возможных последствиях соглашений 1993 года в Осло между Ицхаком Рабиным и Ясиром Арафатом, которые договорились о создании палестинского государства. К этой гипотезе вернулись при заключении соглашений Авраама 2017–2020 годов, а затем её продвигала администрация Джо Байдена вплоть до начала войны в Газе.

Можно отметить, что соглашениям в Осло способствовали изменение международного баланса сил (крах СССР) и регионального баланса, мирный договор в ливанской войне и последствия войны в Персидском заливе 1991 года. На ситуацию влияли два фактора относительной слабости. Во-первых, Израиль столкнулся с кризисом и экономическим переходом от прежних государственно-капиталистических форм, которых «Ликуд», несмотря на весь свой либеризм, не решался трогать. Кроме того, в Израиль хлынула последняя миграционная волна из бывшего СССР, насчитывавшая более 500 тысяч человек. Это позволило Вашингтону использовать свой рычаг для продавливания разрешения конфликта: администрация Буша вынула из кошелька 10 миллиардов долларов. Наконец, первая палестинская интифада на Западном берегу Иордана и в Газе 1987–1990 годов показала Израилю цену оккупации.

Второй фактор слабости, более серьёзный, был связан с ООП. Нашедшая убежище в Тунисе с 1982 года, организация получила американское признание на излёте десятилетия, но растеряла всех своих региональных сторонников. Иордания официально отказалась выполнять функции администрации на Западном берегу Иордана. После того, как Арафат поддержал Ирак Саддама Хусейна в 1990–1991 годы, ему урезали финансирование также арабские нефтяные монархии. Сама интифада, к которой привели экономические потребности, навязала ООП растущую политическую конкуренцию со стороны ХАМАСа и исламистского национализма. Ползучая израильская колонизация Западного берега Иордана, постепенное усиление ХАМАСа и иерусалимский вопрос привели соглашения 1993 года сначала к кризису, а затем и к тупику. Выхода из него найдено не было, что привело к прогрессирующему краху этой перспективы, конец которой положила палестинская гражданская война в Газе в 2006–2007 годах. Результатом этих событий стало изгнание ФАТХ из Сектора Газа и дальнейший раздел палестинской территории между двумя националистическими течениями: ООП обосновалась на Западном берегу реки Иордан, а ХАМАС – в Газе.

Правительства Биньямина Нетаньяху в 1996–1999 годы согласились на вывод колониальных поселений из ряда зон Западного берега Иордана, например, из Хеброна; Ариэль Шарон вывел войска из Газы в 2005 году, что раскололо «Ликуд», из отделившейся части которого была сформирована центристская партия «Кадима» («Вперёд» – лозунг отрядов десантников, которыми Шарон командовал в се-

редине 1950-х годов). Однако с 2009 года и до сегодняшнего дня правительства Нетаньяху выбрали линию на расширение поддержки колонистов и игру на внутривосточном соперничестве.

С того момента число игроков ещё больше выросло: Катар, Турция, Иран – все они используют палестинскую карту как инструмент влияния и проекции. Решение в виде двух государств, где палестинское государство стало бы, так или иначе, экономическим сателлитом еврейского с ограниченным суверенитетом, сегодня зависит от соглашений по безопасности, заключёнными Вашингтоном и Эр-Риядом: саудиты хотели бы заключения договора о гарантиях, аналогичных тем, что Вашингтон предоставил Токио, а также поддержки развития их собственной ядерной программы. Израиль, в свою очередь, хотел бы двустороннего соглашения по безопасности с США, а в ответ должен был бы согласиться на предоставление суверенитета Палестине. Однако два вопроса остаются открытыми: еврейские колонии на Западном берегу Иордана и вопрос столицы Палестины в Восточном Иерусалиме, представляющие собой один из наиболее запутанных узлов палестинского клубка.

Решение в виде конфедерации или экономического союза, подпитанного международными капиталами и нефтяной рентой Персидского залива, имеет объективную основу и материальную базу, учитывая также пересечение в регионе множества экономических маршрутов, от китайского Шёлкового пути до коридора ИМЕС Европы и Индии. По той же причине, однако, существует столько же поводов для соперничества между державами: здесь сталкиваются интересы Ирана и Турции, Китая и России.

Реализм и хитрость Шарона

Соперничество существует и между течениями «двух сионизмов», если воспользоваться определением Витторио Дан Сегре («*Le metamorfosi di Israele*», 2006): в еврейском сионизме – между историческим светским течением и национально-религиозным, к которому за двадцать лет правления Нетаньяху добавилась национал-популистская доктрина; а в конкурирующем палестинском «сионизме» между ПНА-ФАТХ и ХАМАС. Формула «от реки до моря», которую поднял на знамя ХАМАС, является в то же время традиционным требованием израильской националистической правой с 1930-х годов и национал-религиозной правой с 1970-х годов. В крайних версиях она звучит как «от Нила до Евфрата», то есть отсылает к «земле обетованной» из библейских текстов.

В конце концов, своими жизнями заплатились как Анвар Садат, так и Ицхак Рабин. Первый был убит в 1981 году террористической группой, вышедшей из Братьев-мусульман, за подписание мирного договора 1979 года. Второго убили в 1995 году радикалы национал-религиозной правой за подписание соглашений в Осло. Как считает Дан Сегре, Рабин не понял, что подписание договора приводило не только к «смерти ООП», но и к «концу мечты о Большом Израиле».

Как ни парадоксально, продолжает Дан Сегре, именно Шарон был «одним из главных ответственных» за «ловушку» территориального расширения 1967 года. Шарон был «практиком войны и народным вождём, приземистым и грубым», но также обладал качествами, которые позволили еврейскому государству из неё выбраться. Он был «хитрецом» – это, согласно Талмуду, «человек, который умеет выпутываться из ситуаций, в которые мудрец никогда бы не попал». Он был антиподом Шарля де Голля, продолжает

Дан Сегре, но разделял с ним черту «политического реализма». Именно политический реализм заставил генерала покинуть Алжир, а Шарона – Сектор Газа: в обоих случаях «демографический рост колониальных территорий [...] извратил бы национальную идентичность французов и евреев». Эту способность Шарона, по мнению Дан Сегре, его преемники так и не смогли повторить, в том числе из-за травмы от убийства Рабина. По мнению Аншеля Пфеффера, журналиста «Гаареца» и биографа Нетаньяху («*Bibi*», 2020), она развилась в «климате гражданской войны» в Израиле с 1993 года.

Гражданская война палестинского национализма

Со стороны Палестины, пишет Паола Кариди, конкуренция между ФАТХом и ХАМАСом обострилась. Исламистское движение укоренилось в Газе с конца 1930-х годов, а беженцам пришлось обосновываться там на постоянной основе после изгнания с израильских территорий в 1948 году и последующей израильской экспансии в 1967-м. Представители «второго поколения беженцев» были связаны с палестинской «диаспорой в монархиях Персидского залива», например, в Кувейте. Они могли рассчитывать на обширную сеть фондов социальной поддержки, а также мечетей и университетов, созданных с помощью благотворительных организаций арабского мира. Начиная с 1970-х годов ХАМАС извлёк выгоду из восхождения политического исламизма. Черветто подчёркивал, что ООП была суммой военных фракций, находящихся на содержании у различных отрядов арабской буржуазии, и имевшей массовую базу, представленную изгнанным населением⁴. Сам Арафат, родившийся в Каире, утверждал, что он родом из Газы.

Укоренению ХАМАС, как отмечают сами израильские комментаторы, способствовало политическое и военное руководство Тель-Авива после 1967 года. Цель состояла в том, чтобы иметь исламистского, консервативного и до середины 1980-х годов «неактивного» конкурента нерелигиозному «арабскому социализму» ООП баасистского и нассеровского образца. В некотором смысле, по мнению индийского аналитика Брахмы Челлани, этот шаг был задуман по образцу американской политики взращивания афганского исламистского сопротивления против СССР.

В конфликте между двумя основными течениями отчаявшегося палестинского национализма, зеркального по отношению к еврейскому, ФАТХ искал международной поддержки, а негласно – и израильской помощи против своих исламистских соперников. Он потерпел электоральное поражение в 2006 году, а затем и военное, когда ХАМАС стал гегемоном в секторе Газа и изгнал военное крыло ФАТХ. Соперничество распространилось на Западный берег реки Иордан и Иерусалим. ХАМАС вступил в отчаянную гонку со своим соперником при молчаливом согласии Тель-Авива, а также арабских правительств.

Последние вели переговоры с ХАМАСом и держали его как инструмент влияния. Египет подавил Братьев-мусульман, но неизменно использовал их филиал в Газе, чтобы укрепить свою роль регионального посредника и использовать её в трёхсторонних отношениях с Тель-Авивом и Вашингтоном. Некоторые монархии Персидского залива, такие как Катар или Кувейт, финансировали Хамас, а во время сирийской войны эмиратцы, катарцы, саудиты и турки пытались использовать его против режима Асада. Иран через Хезболлу обеспечил военное крыло ХАМАС баллистическим потенциалом и тренировал его контингент. Движение имеет свою аудиторию

ЦИОНАЛИЗМЫ В СРЕДНЕВОСТОЧНОМ ЛАБИРИНТЕ

в Иордании, где 75 % населения составляют палестинцы, а разрушительная война в Газе оказывает давление на династию Хашимитов, всё чаще призывая к денонсации мирного договора с Израилем 1994 года.

«Разочарованные любители Сиона»

По мнению Пфеффера, политический путь Нетаньяху следует рассматривать через призму двух амбиций. Первая – стать новым объединителем израильской правой в исторически фрагментированном политическом ландшафте. Ситуация усугубилась относительным упадком лейбористов и «Ликуда» как основных партий, чему способствовала массовая еврейская иммиграция из бывшего СССР с конца 1980-х годов. Введя, по сути, президентское правление в гиперпропорциональную избирательную систему, пишет Ран Халеви, комментатор *Le Figaro* из Национального центра научных исследований (CNRS), Нетаньяху подарил малым партиям, особенно национально-религиозным, «*существенные рычаги для шантажа*» и зачастую позволял им играть роль «*стрелки весов*» в правительственных коалициях.

Другой амбицией, продолжает Пфеффер, было стремление утвердиться среди «*династий-основателей сионизма*», таких как Даяны или Вейцманы. Вышедшая из Литвы⁵, семья Нетаньяху, по мнению Пфеффера, представляет собой «*разочарованных любителей Сиона*»: фигуры интеллектуально глубокие, но маргинальные в еврейском национализме. Его дед поддерживал религиозный сионизм и был «*талантливым оратором*», но не приобрёл особых последователей. Его отец, Бенцион, родившийся в Варшаве, был академиком с амбициями политического лидера. Будучи секретарём Владимира Жаботинского в США, он рассматривался в качестве его возможного преемника, но его отеснили другие деятели «*радикального ревизионизма*», связанные с «Иргуном». Столкнувшись с продолжающейся гегемонией лейбористов в Израиле, Бенцион пришёл к выводу, что сионизм – «*неудачный проект*», и посоветовал своим сыновьям делать карьеру в Америке. Чем Беньямин и занимался до середины 1970-х годов.

Однако именно в США Нетаньяху открыл для себя эффективность телевидения и собственные ораторские способности. С этими инструментами он и пришёл в начале 1990-х годов в израильскую политику, где «*Ликуд*» находился в глубоком финансовом и организационном кризисе. Ему, будучи аутсайдером, удалось пробиться в партийной иерархии, где доминировали так называемые «*принцы*», сыновья исторических представителей правого крыла. Наряду с Рабином Нетаньяху может похвастаться тем, что является премьером, рождённым в Израиле, а также рекордсменом политического долголетия.

Во время кризиса, связанного с соглашениями в Осло, с массовыми уличными беспорядками и поляризованным противостоянием, Нетаньяху, как и сам Шарон и другие правые, поддерживал движение переселенцев. Последние в ходе массовых митингов обвиняли премьер-министра Рабина в «*предательстве*», «*продаже*» государства Израиль, угрожали ему смертью. Это был «*необходимый*» выбор, пишет Пфеффер, так как у «*Ликуда*» «*не было достаточно числа милитантов*», чтобы «*завладеть ситуацией на площадях*»; движение переселенцев, возвращённое Шимоном Пересом и уходящее корнями в лейборизм, напротив, развило с 1970-х годов значительный мобилизационный потенциал. Кроме того, ему симпатизировали американские правые.

Убийство Рабина, напомнившее убийство Хаима Арлозорова в 1933 году, в котором левые обвиняют ревизионистов, заклеило Нетаньяху как «*главного подстрекателя*» кампании ненависти, хотя, как признаёт Пфеффер, другие правые, включая Шарона, позволяли себе «*ещё более ненавистнические*» заявления против Рабина. Такое клеймо, по мнению Пфеффера, может объяснить «*укоренившуюся неприязнь*» Нетаньяху к ведущим СМИ и израильской либеральной среде.

Его победа в схватке за пост премьер-министра в 1996 году против Переса, непопулярного среди самих лейбористов и ярого соперника Рабина, произошла с перевесом всего в 30.000 голосов, в разгар террористической кампании и вопреки международному мнению – администрации Клинтона и ЕС, – которое открыто болело за победу лейбористского кандидата. Но, как отмечает биограф Переса Михаэль Бар-Зохар («*Shimon Peres*», 2007), международные и арабские канцелярии «*не голосовали в Израиле*». Перес, опять же по мнению Бор-Зоха, стал собеседником Нетаньяху, регулярно посещая по вечерам резиденцию премьер-министра. Рабин, в свою очередь, питал «*утробный антагонизм*» к Пересу, которого называл «*главным саботажником*», когда тот был его министром иностранных дел, а также «*презрение*» к Нетаньяху, которого считал политически «*легковесным*».

Два Израиля: Тель-Авив против «Иудейского царства»

Традиционная критика в адрес Нетаньяху заключается в том, что он ориентируется на так называемые «*племена Израиля*», прибегая к популистской дозе охранительных идеологий. Выражение «*племя*» использовал Реувен Ривлин, президент с 2014 по 2021 год, в своей речи 2015 года. Израильская политология выделяет пять избирательных блоков: нерелигиозные евреи ашкеназского происхождения, отражение исторического израильского истеблишмента; *мизрахим* с сефардским компонентом, которые иммигрировали в 1950-х годах и стали одной из массовых баз «*Ликуд*» в 1970-х; «*русские*», иммигрировавшие в 1990-х; религиозные; блок израильских арабов, который до Рабина был резервуаром голосов для лейбористов. Наконец, существует трансверсальный блок под названием *харедим*⁶ – это национально-религиозный или национально-мессианский компонент.

Другое обвинение против Нетаньяху, выдвинутое, в частности, источниками из французской диаспоры, – это использование в предвыборных целях противопоставления между «*евреями*» и «*израильянами*», или между *Эрец-Исраэль*, Землёй Израиля в библейском смысле, и *Медина-Исраэль*, Государством Израиль. Алон Пинкас, бывший дипломат и обозреватель «*Гаарец*», говорит даже о «*двух государствах Израиль*», которые взаимно «*несовместимы*». С одной стороны, «*государство Израиль*», «*светское, высокотехнологичное и глобализованное*», выражением которого является район Тель-Авива с его почти четырьмя миллионами жителей, что составляет около половины населения страны, и на который приходится большая часть её ВВП. С другой стороны, «*Иудейское царство*», «*еврейская теократия, основанная на идеологиях национального превосходства*», с «*мессианскими тенденциями*», которые подпитывают изоляционизм.

Пинкас ссылается на два прецедента: между 796 и 586 гг. до н. э., когда был разрушен первый храм и произошло так называемое «*авилонское изгнание*», согласно ветхозаветному повествованию; и между 140 и 63 гг. до н. э., когда воцарились Хасмонеи и произошло римское завоевание. Разногласия «*обострились*

после первого еврейского восстания в 66 году н. э., которое привело к разрушению Второго храма» римскими легионами в 70 году н. э., «*что привело к диаспоре и исчезновению еврейского государства до 1948 года*».

Внутренний раскол и политическое «*сектантство*» подпитываются, по мнению Пинкаса, почти шестидесятилетней оккупацией Западного берега Иордана, которая из «*временной*» превратилась в «*постоянную черту политической и геополитической экосистемы Израиля*». Оккупация почти пяти миллионов палестинцев подпитывает состояние «*гражданской войны*». «*Иудейское Царство*», которое Нетаньяху «*сшивает как избирательный блок*», состоящий из правых, крайне правых, ультраортодоксов и «*последователей его личного культа*», не представляет собой «*большинства*», не находится у власти. Если бы он возобладали, Израиль перестал бы быть тем, каким его создал «*сионизм*». Потому что, как утверждают критики, в нём утвердилась бы этнорелигиозная концепция государства, даже в ущерб 20 % арабских граждан страны, в основном палестинцев.

Решение о двух государствах также представляется труднопреодолимым препятствием для левоцентристских или центристских правительственных структур. По мнению Эфраима Инбара, директора Иерусалимского института исследований безопасности (JISS), близкого к «*Ликуд*», такое решение, предусмотренное Вашингтоном в рамках расширения Соглашений Авраама до дипломатической нормализации отношений между Израилем и Саудовской Аравией, является «*пустой мечтой*». С одной стороны, у Тель-Авива нет никаких гарантий, что «*палестинское образование*» не будет потрясено «*гражданской войной*», как это произошло в Сирии, Ираке и Йемене, с возобновлением боевых действий между «*палестинскими фракциями*», и не превратится в «*несостоявшееся государство*». С другой стороны, соглашение о безопасности между Эр-Риядом и Вашингтоном, направленное против Ирана, будет означать согласие Штатов на развитие саудовского ядерного сектора: это «*стратегический кошмар*» для Израиля, который не хочет «*многополярного ядерного порядка на Среднем Востоке*», поскольку такое развитие подтолкнёт региональную «*ядерную гонку*».

Речь идёт не только о враждебном Иране, который, по мнению *Jerusalem Post* находится на расстоянии «*одного-двух лет*» от того, чтобы ввести в действие ядерные боеголовки. По мнению Инбара, это подтолкнёт к участию в ядерной гонке также Турцию и Египет. Это подтверждает, что конфликт обещает оставаться таким же неразрешимым, как и более века назад. Единственное, что может его разрешить, – это пролетарский интернационализм.

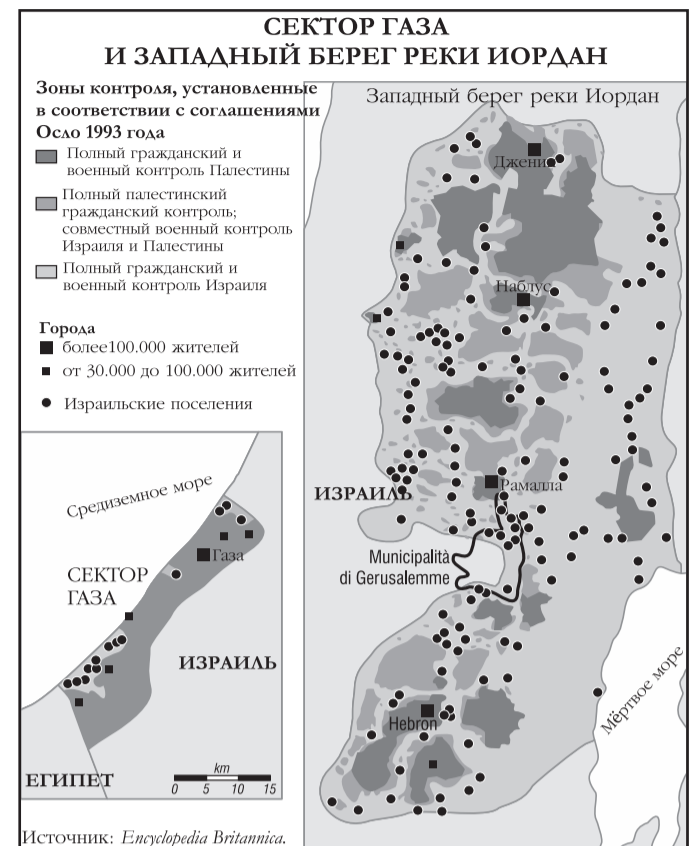
Lotta comunista, октябрь 2024 г.

1 – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей»», 2019. С. 161–164.

2 – Там же. С. 172.

3 – Там же. С. 171.

4 – Арриго Черветто в статье «Вторжение в Ливан возобновляет кровавую игру на Среднем Востоке» характеризует ООП

как сумму «*военных групп*», вербовочной базой которых было «*беднейшее крестьянство, изгнанное со своих земель и влачащее жалкое существование на подачки различных фондов помощи*» (Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей»», 2019. С. 172–173).

5 – Дед – Натан (Нетаньяху) Милейковский – родился в 1879 г. в местечке Крево Ошмянского уезда Виленской губернии, которое сегодня находится на территории Гродненской области Беларуси.

6 – Харедим – это обобщающее название и в некоторой степени самоназвание различных ультраортодоксальных еврейских религиозных общин и членов этих общин в Израиле и вне его. Интересы харедим в парламенте Израиля и органах местного самоуправления в значительной мере представляют ультрарелигиозные политические партии ШАС («*Всемирное единство сефардов, соблюдающих Тору*») и «*Яхадут ха-Тора*» (созданный в 1992 году блок двух религиозных партий: «*Агудат Исраэль*» и «*Дегель ха-Тора*»). О трансверсальности ультрарелигиозных партий Израиля можно говорить исходя из того, что на разных этапах они входили в разные правительственные коалиции: например, после выборов 1992 года ШАС вошла в левое правительство Ицхака Рабина, но после подписания Ословских соглашений вышла из него. В январе 2004 года «*Яхадут ха-Тора*» решила присоединиться к коалиции Ариэля Шарона, что привело к выходу «*Дегель ха-Тора*» из блока с «*Агудат Исраэль*», но уже на следующий год началось восстановление единства блока. ШАС и «*Яхадут ха-Тора*» представлены и в нынешнем правительстве Израиля. Отдельным направлением в политике Израиля является религиозный сионизм. Длительное время его представителем в Кнессете была партия МАФДАЛ (1956–2008), реорганизованная в 2008 году в «*Еврейский дом*», которая в 2023 году слилась с «*Ха-Ихуд ха-Леуми – Ткума*» в партию «*Национальная религиозная партия – Религиозный сионизм*». Её представителями в текущем правительстве Израиля является Бецальель Смотрич (министр финансов), Орит Струк (министр по делам поселений), Офир Софер (министр алии и интеграции). К этому же направлению принадлежит партия «*Оцма Йехудит*», которая также входит в нынешнюю правительственную коалицию, в которой её представляют Итамар Бен-Гвир (министр внутренней безопасности), Амихал Элияху (министр Иерусалима и наследия), Ицхак Вассерлауф (министр развития Негева и Галилеи).

Войну можно предотвратить

Сегодня рабочие всей Европы сталкиваются с двойным испытанием: последствиями электрической и цифровой реструктуризации для занятости и необходимостью восстановления уровня заработной платы после нескольких лет высокой инфляции.

В конечном итоге, таковы «две руки» традиционной профсоюзной деятельности, по-разному сочетающиеся в ходе экономических циклов: защита занятости и повышение заработной платы.

Германия в первых рядах

В первых рядах этой борьбы, которая в любом случае имеет как минимум континентальное измерение, находятся немецкие профсоюзы. Это объясняется промышленным масштабом Германии и силой сложившихся там профсоюзов, что делает их объективной точкой отсчёта. И там дебаты о реструктуризации, в которых участвуют высшие эшелоны бизнеса и политики, неизбежно заканчиваются – и сказываются – на рабочих.

Газета *Die Zeit* (19 сентября) рисует мрачную картину отрасли, которая «больше не справляется» с ситуацией, приводя примеры того, как крупные компании «из числа наиболее старых и известных» были вынуждены сократить число занятых: ThyssenKrupp, Volkswagen, Continental, ZF, Bosch, BASF и так далее. «Сталелитейные, химические и автомобильные компании сделали Германию богатой. Теперь они рушатся». Среди причин, помимо хорошо известных последствий повышения стоимости энергии и конкуренции со стороны Китая, *Die Zeit* называет также демографию: молодёжи стало меньше, и, как отмечает газета, уменьшился потенциал для инноваций, что негативно сказывается на производительности.

Штефан Вольф, президент Gesamtmetall, ассоциации металлообрабатывающих предприятий с 4 миллионами работников, подчёркивает, что Германия «находится в процессе деиндустриализации», и призывает работников и профсоюзы быть «реалистами»: «Мы должны быть честными с людьми», рабочие места будут потеряны, «нельзя считать само собой разумеющимся, что всё всегда будет оставаться неизменным», включая даже зарплату, поскольку смена работы может означать её снижение (*Handelsblatt*, 4 октября).

В тот же день и в той же газете Маркус Камият, глава BASF, заявляет, напротив, что те, кто говорит о деиндустриализации, «драматизируют»: немецкая промышленность по-прежнему сильна. Тем не менее он предупреждает рабочих и профсоюзы: «Я понимаю неуверенность, но от неё нельзя

полностью избавиться в эти времена перемен». Он не подтверждает и не опровергает слухи о том, что в концерне «каждое пятое рабочее место будет потеряно».

Борьба и совместное управление на полигоне Volkswagen

Автомобильный сектор сейчас повсюду находится в эпицентре бури: в Германии она напрямую затрагивает Volkswagen, крупнейший в Европе автоконцерн. Инкен Галлнер, председатель федерального суда по трудовым спорам, заявила, что она «не уверена, что увольнений можно избежать» (*Handelsblatt*, 25 сентября). Прежде речь шла о 15 тыс. увольнений, или даже о 30 тыс., с закрытием 23 заводов. С этой целью VW также отменил профсоюзное соглашение 1994 года, которое запрещало увольнения до июля 2029 года.

Ситуация становится проверкой для рабочего совета концерна (Betriebsrat), который представляет 680.000 сотрудников по всему миру. С 2021 года его возглавляет 49-летняя Даниэла Кавалло, дочь калабрийского иммигранта – работника VW, куда она также пришла в качестве сотрудника. Если её предшественника на посту главы профсоюза Бернда Остерлоха называли «громкоговорителем» за его ораторский стиль, то её называют «молчуньей», поскольку она избегает громких заявлений (*Handelsblatt*, 12 сентября). Это не умаляет того факта, что она обещает «яростное сопротивление» планам реструктуризации и требует вдобавок существенного повышения зарплаты для работников концерна – на 7% (*Le Monde*, 4 октября).

Аналогичное увеличение зарплаты входит в число требований, выдвинутых IG Metall для продления коллективного договора всего металлургического сектора. Опыт прошлых лет говорит о том, что переговоры с Volkswagen определяют ход профсоюзных споров в целом, и есть опасения, что сейчас, учитывая затруднённое положение автопроизводителя, этот фактор будет негативным. Поэтому решимость в профсоюзной борьбе приобретает более широкое значение.

Однако итог спора с концерном даст ещё один ответ: проверяется не только сила IG Metall, но и эффективность политической концепции, получившей здесь своё классическое выражение, а именно совместное управление (Mitbestimmung), которое преподносят как способ решения социальных и экономических проблем. Теперь баланс между борьбой и совместным управлением, хозяевами которого считают себя немецкие профсоюзы, находится под угрозой срыва.

Недавно обновилось и высшее руководство IG Metall: с октября 2023 года пост президента займёт 56-летняя Кристиана Беннер, которая состоит в профсоюзе с 1997 года и представляет его в наблюдательных советах Continental и BMW. В последние годы в центре её интересов было именно внедрение Mitbestimmung, в то время как опыта в области ведения переговоров у неё, как сообщается, было немного: нынешний год – её первое испытание на этом поприще.

Возобновление переговорного процесса

Немецкий пролетариат в целом сталкивается сегодня с процессом вымывания переговорной силы: если в 1996 году коллективный договор был заключён на каждом втором предприятии и покрывал 80% работников, то сегодня этот

Израиль и Иран обменялись ракетными ударами и контрударами, но в данный момент ни Тегеран, ни Тель-Авив, похоже, не хотят ускорять перерастание конфликта на Среднем Востоке в большую войну, а значит, не хотят этого и наблюдающие из-за кулис Вашингтон и Пекин. И хотя выверенные удары рассчитаны лишь на внешний эффект, война всегда может привести к непредвиденным результатам – это её закон. Израиль продолжает резню в Газе и вторжение в Ливан; ХАМАС и «Хезболла» оказались щитом, под прикрытием которого Иран осуществлял свою ядерную программу. Но Израиль, ядерная держава, не может смириться с тем, что муллы готовы к созданию бомбы. Если они это сделают, то того же захотят и Саудовская Аравия, Египет, Турция. Часовой механизм продолжает тикать.

Тем временем в Казани прошёл саммит БРИКС, на котором собрались Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка, а также Иран, Объединённые Арабские Эмираты, Египет, Эфиопия и ещё около пятидесяти других средних и малых держав. Москва, продолжая наносить удары по Донбассу, может теперь утверждать, что не находится в изоляции. На полях саммита Пекин и Нью-Дели представили соглашение по своему пограничному спору. Консенсус слишком неоднороден, чтобы превратить БРИКС в блок, альтернативный Западу – практически такой сценарий отвергают как Индия, так и Китай, – однако сам факт его наличия определённо сигнализирует об эрозии старого порядка. Этого достаточно, чтобы в Америке, а также в некоторой степени в Европе встревожить тех, кто риторически нападает на Россию, Китай, Иран и Северную Корею, выставляя их единой осью хаоса, и призывает к ускорению планов перевооружения. Дело в том, что Пекин сегодня является экономическим гигантом и становится военной державой, о чём свидетельствуют его автомобили и авианосцы. В Америке, а постепенно и в Европе всё больше тех, кто с готовностью видит в них нового врага. На тех же, кто выбирает переговоры, оказывается давление. И здесь мы видим часовой механизм, который уже начал тикать.

Католическая газета *Avvenire* жалуется, что мы смирились с мыслью о неизбежности войны. Верно, она неизбежна, но такова логика капитала; молитвы или благие заблуждения её не остановят. Её можно предотвратить, можно остановить, если сломить иго правящего класса. Красный Октябрь 1917 года доказал это. Большевики требовали немедленного мира, и только им действительно удалось остановить войну. С помощью революции.

уровень снизился до каждого четвёртого предприятия и 50% работников (*Handelsblatt*, 30 июля). Что касается членства в профсоюзе, то число новых членов не компенсирует демографический спад, и некоторые профсоюзы, чтобы привлечь новых членов, требуют в договорах дополнительный выходной день только для членов профсоюза: так, например, обстоит дело с химиками (IG BCE) и государственными служащими (Ver.Di).

В анализе фонда Hans-Böckler-Stiftung, занимающегося профсоюзными вопросами, отмечается, что в 2022 году только четыре из десяти представителей рабочих в наблюдательных советах были членами профсоюза, а почти в каждой второй компании членов профсоюза в советах не было вовсе. Сам по себе феномен совместного управления теряет вес, пишет 11 июня *Süddeutsche Zeitung*: оно предусмотрено в крупных компаниях с более чем двумя тысячами сотрудников, но в 400 из 1100 компаний оно не гарантировано, и соответственно около 2,5 миллиона работников исключены из механизма.

Именно с такими проблемами сталкивается профсоюзная конфедерация DGB, объединяющая восемь профсоюзов с 5,7 миллионами членов, которую с 2022 года возглавляет ещё одна женщина, Ясмин Фахими: 56 лет, отец – иранец, замужем за главой профсоюза химиков Михаилом Василиадисом, сыном иммигранта из Греции.

Даже эти краткие биографические сведения позволяют увидеть, что в руководстве сильнейших профсоюзов Европы находят отражение перемены в

обществе и в мире труда этой метрополии: в главу приходят женщины и иммигранты второго поколения.

Европейская классовая и политическая борьба

Ситуация в Европе, однако, не описывается лишь биографическими фактами: именно размеры континентальной Европы задают сегодня масштаб эффективной профсоюзной борьбы. Реструктуризация и восстановление уровня заработной платы – вот вызовы, которые необходимо преодолевать повсеместно. Пример Германии показывает, что нужно подходить к ним с поднятой головой и не сдаваться заранее, и тогда исход определится борьбой. И в чем большей мере борьба будет иметь европейское измерение, тем больше будет возникать возможностей для сопротивления и движения вперёд. Этой мыслью должны руководствоваться и итальянские профсоюзы, которые сейчас борются с последствиями автомобильного кризиса и ведут сражения за продление крупных коллективных договоров, начиная с сектора металлургии.

Европейское видение, однако, должно идти рука об руку с отказом от любых уступок империалистическому европеизму: нужно организовать и защитить европейского рабочего, чтобы он обрести сознание класса, противостоящего европейской буржуазии, её капиталу и её оружию. Именно в этом заключается наша политическая борьба, в том числе на поле профсоюзов.

Lotta comunista, сентябрь 2024 г.

Guido La Barbera

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Сельскохозяйственное исключение в ВТО

Американец Кейт Рокуэлл с 1996-го по 2022 год был спикером ВТО, а теперь является экспертом центра Вильсона в Вашингтоне, организации, учрежденной и финансируемой конгрессом США для проведения независимых анализов для американских парламентариев. Рокуэлл предсказывает, что ближайшая министерская конференция ВТО в Абу-Даби в конце февраля станет «разочарованием» и принесёт скудные конкретные результаты. В частности, «уже ясно, что не будет никаких существенных результатов в отношении сельского хозяйства».

Минное поле

Индия требует постоянного решения по вопросу выделения государственных субсидий для пополнения государственных резервов зерна, на которое она в виде исключения получила временное разрешение на конференции ВТО на Бали в 2013 году. В противном случае индийское правительство угрожает наложить вето на все прочие пункты переговоров, среди которых реформа трибунала ВТО, многостороннее соглашение об электронной коммерции и уменьшение субсидий на вылов рыбы. Страны Востока, по мнению Рокуэлла, «готовы разоблачить блеф Нью-Дели», обвиняя его в использовании продовольственной безопасности в качестве предлога для незаконного субсидирования международного экспорта пшеницы и риса.

Для лучшего понимания ситуации стоит напомнить, что сельское хозяйство всегда занимает особое место в системе международной торговли. Согласно истории Крейгу Ван Грасстеку из Гарварда, «переговорщики в ВТО подходят к сельскохозяйственной продукции во многом иначе, чем к несельскохозяйственным товарам: для большей части стран этот сектор более чувствителен в политическом и социальном плане, и это заставляет переговорщиков и их руководителей быть более осторожными в принятии на себя обязательств, которые могут оказаться непопулярными среди значительных групп избирателей». Как следствие, есть тенденция к «выработке решений, которые с меньшей вероятностью повлекут за собой существенные реформы и создают большое разнообразие исключений и специальных режимов» (*"The history and future of the World Trade Organization"*, WTO Publications, 2013).

Исключение на пятьдесят лет

Помимо фруктов, овощей и злаков под коммерческое определение «сельскохозяйственных» товаров попадают и другие продукты, среди которых животные, мясо, молоко, сыры, яйца, кофе, специи, сахар, какао и продукты питания, из них производимые, а также алкоголь, табак, лён и хлопок. Неудивительно, что «регулирование [сектора] в многосторонней торговле считается жизненно важным для правительств и населения», подчёркивает вместе с другими специалистами индийский академик Амрита Нарликар, десять лет занимающая пост президента института GIGA в Гамбурге. На протяжении полувека после второй мировой войны сельскохозяйственный сектор был фактически исключен из процесса либерализации в рамках международной системы ГАТТ, предшественника ВТО. «Десятилетиями промышленные товары были единственной важной темой многосторонних переговоров о торговле». Содержание ГАТТ «демонстри-

ровало отсутствие желания приступать к либерализации в сельском хозяйстве» и отражало требование США освободить сектор от регулирования субсидий и ограничений на импорт, делая систему «неспособной бороться с мощными протекционистскими мерами» (*"The Oxford Handbook of the World Trade Organization"*, Oxford University Press, 2012).

Как подвёл итог француз Паскаль Лами, бывший директор организации, «сельское хозяйство долго пользовалось специальным отношением со стороны ВТО; оно стало частью повестки примерно на пятьдесят лет позже промышленных товаров и сделало это на ином уровне»; к примеру, сейчас в нём сохраняется примерно вдвое более высокий уровень таможенных пошлин (*"The Geneva Consensus"*, Cambridge University Press, 2013).

Примерно год назад на этих страницах мы уже писали о том, что мировой рынок нефти и газа, по ряду причин, никогда не был вовлечён в процесс многосторонней либерализации. Как и источники энергии для машин, так и источники энергии для потребностей человека пользуются особым защищённым режимом. История международных организаций ГАТТ и ВТО состоит больше из исключений, нежели из правил.

Европейско-американская игра

Бывший американский высокопоставленный чиновник в сфере торговли Алан Вольф вспоминает, что тему сельского хозяйства «во времена ГАТТ было сложно обсуждать даже просто за столом переговоров». В 1975 году он «лично видел, как директор европейской сельскохозяйственной комиссии отказывался даже говорить с американцами. И это были не просто личные счёты. Проезжая по сельской местности во Франции, они видели в полях написанные от руки таблички с надписью «Нет ГАТТ!»» (*"Revitalizing the World Trading System"*, Cambridge University Press, 2023).

Безусловные победители второй мировой войны, США, создавая ГАТТ в 1974 году, оставили обширное пространство для манёвра для собственной политики государственной поддержки и протекционизма в сельском хозяйстве. После создания Европейского экономического сообщества (1957) и установления общей сельскохозяйственной политики (1962), перспектива уменьшения доступа к европейскому рынку и усиления международной конкуренции подтолкнули США к тому, чтобы изменить свою позицию. Уже с середины шестидесятых Вашингтон всерьёз начал настаивать на международных переговорах по либерализации в области сельского хозяйства. Сопротивление Европы десятилетиями тормозило американскую инициативу: соглашение о сельском хозяйстве появилось только в 1993 году как один из наиболее значимых результатов уругвайского раунда, последних переговоров в рамках ГАТТ, увенчавшихся созданием ВТО в 1995-м.

Блок Дохийского раунда

Соглашение о сельском хозяйстве запустило постепенный, со множеством исключений, процесс снижения протекционистских пошлин и субсидий на производство и экспорт. Одновременно Европейский союз реформировал свою общую сельскохозяйственную политику, чтобы привести финансирование сектора в соответствие с нормами ВТО, то есть с минимальным или нулевым искажа-

ющим влиянием на торговлю. В частности, в 2003 году поддержка доходов аграриев была отделена от производства. Лами, который в качестве еврокомиссара по торговле был одним из главных действующих лиц этой реформы, писал: «Было очевидно, что европейское сельское хозяйство нуждается в поддержке, но также было очевидно, что эта поддержка должна минимально исказить торговлю. Для французов это звучало как чепуха и стало причиной враждебного отношения ко мне тогдашнего французского президента Жака Ширака, бывшего министра сельского хозяйства. Мы, скажем так, не посылали друг другу открыток на Рождество».

Соглашение о сельском хозяйстве 1993 года было временным и частичным компромиссом: в самом тексте предлагалось возобновить переговоры в 2000-м. Именно это стало камнем преткновения на печально известном раунде в Дохе, первом и на настоящий момент единственным и незавершённом переговорном процессе об общей либерализации в рамках ВТО. По оценке Лами, ближе всего к соглашению удалось подойти в 2008 году, «но оно разбилось о стену по техническим причинам: каким образом дать конкретные гарантии аграриям бедных стран в период, когда резко возрастает сельскохозяйственный импорт». «Некоторые страны, среди которых Индия, Индонезия, Филиппины и Китай, считают, что существующие договорённости не гарантируют достаточной защиты для миллионов их бедных граждан».

Смешанные коалиции

Спустя пятьдесят лет позиция, озвученная Индией на конференции в Абу-Даби, подтверждает, что сельский вопрос остаётся одной из ключевых проблем, которые только предстоит разрешить. Исключённое из системы на полвека и плохо переваренное ей в последующие тридцать лет, пишет Нарликар, «сельское хозяйство оказалось камнем преткновения как для ГАТТ, так и для ВТО». С другой стороны, рассматривать тему сельского хозяйства изолированно, как и ограничиваться только главными противниками – сначала США и ЕС, потом США и Индией – значит впадать в абстракцию, годную только для частичного исторического синтеза. В действительности в многосторонних переговорах о торговле различные разделы и сектора могут представлять собой только аспекты общих и многополярных переговоров.

Кроме того, сражение в сельском хозяйстве пересекает всё схематическое деление стран на развитые и развивающиеся, учитывая, что у каждого государства огромное количество особых и противоречивых интересов. Большой ошибкой было бы разделять крупные страны-экспортёры сельскохозяйственной продукции, среди которых есть и развивающиеся страны, например Бразилия, и страны-импортёры. Как отмечает Вольф: «Всегда очень трудно добиться прогресса в сельском хозяйстве. Ещё сложнее, если подходить к этому вопросу в отрыве от других. Не в интересах Китая, Индии, Нигерии, других африканских стран соглашаться на снижение поддержки своих аграриев в рамках договора по одному только сельскому хозяйству. Аргументация того, что для них не имеет смысла экономическая политика субсидирования собственных фермеров, неубедительна. Богатые страны, такие как Швейцария и Япония, игнорировали

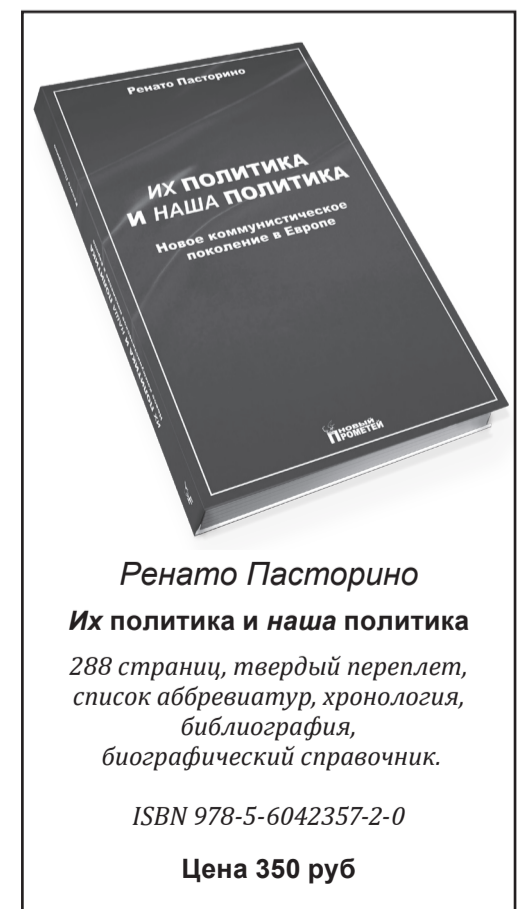
подобные мудрые советы и продолжают субсидировать своих аграриев».

Развитые и развивающиеся

В своей книге 2013 года Лами утверждает, что «хотя и стали говорить о том, что в ВТО слишком много членов, чтобы договориться о новых правилах, в действительности тупилом в Дохе мы обязаны несогласию между небольшой группой развитых экономик и развивающимися экономиками. Как и в случае с переговорами по изменению климата, природа этих разногласий геополитическая. Нет даже согласия о взаимных уступках между США, ЕС, Японией и прочими с одной стороны и Индией, Китаем и Бразилией и прочими с другой. Продвинутые экономикой утверждают, что развивающиеся экономики уже «развились» и потому должны принять те же правила торговли, что и они. Развивающиеся страны утверждают, что сталкиваются с серьёзными вызовами в развитии, которые требуют гибкости в виде «особого и избирательного подхода». По сути, это означает, что им нужно было бы снизить пошлины меньше, чем развитым странам. За этой проблемой скрывается простой геополитический вопрос: развивающиеся страны – это «богатые страны, где много бедных» или «бедные страны, где много богатых»? Пока обе стороны пытаются договориться об ответе, согласие в переговорах не приблизится».

После встречи в Абу-Даби перспективы достижения договорённости остаются туманными. Турецкий посол Алпарслан Акарсой, председательствующий в переговорной группе ВТО по сельскому хозяйству, заявляет, что большинство правительств сегодня не готовы к компромиссу, но возлагают надежды на ближайшую министерскую конференцию, то есть откладывают принятие решения по крайней мере на пару лет. Вместо того, чтобы принимать решение, в ВТО сходятся на том, что нужно продолжать переговоры. В условиях кризиса порядка сохранять институт-символ глобализации становится всё более сложной задачей. Его падение определённо означало бы важный исторический поворот.

Lotta comunista, февраль 2024

Ренато Пасторино

Их политика и наша политика

288 страниц, твердый переплет,
список аббревиатур, хронология,
библиография,
биографический справочник.

ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

Застой ВТО в Абу-Даби

11-я министерская конференция ВТО, прошедшая в Буэнос-Айресе в 2017 году, была сорвана кампанией “Америка прежде всего” президента Дональда Трампа. Следующая встреча, состоявшаяся в Женеве в июне 2022 года, ознаменовала собой робкий перезапуск после долгого перерыва, вызванного или даже оправданного пандемией. Проведя 13-ю конференцию, завершившуюся в Абу-Даби 2 марта, Всемирная торговая организация, по крайней мере, возобновила традиционную двухлетнюю периодичность формата, в рамках которого принимаются главные решения.

Ещё одно разочарование

Международная пресса уделяла мало внимания открытию саммита в Эмиратах и ещё меньше – его скудным и неопределённым итогам. Одним из немногих признаков жизни является присоединение Коморских островов, бывшей французской колонии в Индийском океане, и Восточного Тимора, известного своим болезненным отделением от Индонезии. ВТО заявляет о тенденции расширения – с 1995 года было принято 38 новых членов, в настоящее время в организации насчитывается 166 государств-членов. Однако очевидно, что включение двух отсталых карликовых государств не имеет такого значения, как историческое присоединение Китая в 2001 году и России в 2012 году.

В Абу-Даби, несмотря на затянувшиеся сверх запланированного срока переговоры длиной в несколько дней, единственным существенным решением стало продление на два года моратория на применение пошлин к электронной торговле, который регулярно пролонгируется с 1998 года. Такой итог незначителен даже по меркам и без того «скромных амбиций», раскритикованных накануне саммита *Le Monde*. И это ничто по сравнению с той обширной программой реформ, которую европейский комиссар по торговле Валдис Домбровскис анонсировал в *Financial Times* 23 февраля. Газеты разных континентов лишь укрепляются во мнении, что ВТО переживает серьёзные проблемы. По мнению сингапурской *Business Times*, «назвать итоги встречи ВТО в Абу-Даби простым “провалом” было бы преуменьшением». Француз Филипп Шальмин на страницах *Les Echos* опубликовал «реквием по ВТО», которая «возобновит свои заседания в Женеве на фоне всеобщего безразличия». Согласно редакции газеты *Washington Post*, «Всемирная торговая организация не совсем мертва», но «скатывается к бесполезности».

Удовлетворённость Индии

В начале конференции в интервью европейской прессе министр торговли Индии Пиюш Гоял предупредил, что приоритетом его правительства является возобновление работы органа разрешения споров ВТО, вторая инстанция которого с 2019 года заблокирована из-за обструкционизма США. «У меня много претензий, которые должны быть рассмотрены ВТО. Я не могу обратиться к правосудию. Поэтому, – заявил Гоял, – пока у нас не будет функционирующего Апелляционного органа, все остальные решения не имеют смысла». Позиция Индии прямо противоположна линии Белого дома, который хочет ограничить наднациональные судебные полномочия ВТО, причём уже на протяжении президентских сроков как демократов Барака Обамы и Джо Байдена, так и республиканца Трампа, что свидетель-

ствует о межпартийной преемственности этой линии. Непримируемость США в этом вопросе никого не удивляет уже много лет, поэтому ранний оптимизм еврокомиссара Домбровскиса выглядел чисто риторическим или, скорее, выдавал желаемое за действительное.

По окончании саммита в интервью индийской газете *Financial Express* Гоял заявил: «Цели, с которыми мы приехали в Абу-Даби, были в основном достигнуты, и мы возвращаемся с чувством удовлетворения». Воспрепятствовав завершению переговоров по субсидиям в рыболовной отрасли и сельскохозяйственном секторе, «нам удалось защитить интересы Индии». Кроме того, заблокировав инициативу Китая в сфере инвестиционной и сдержав давление Европы по вопросам промышленной политики, «нам удалось добиться того, что вопросы, не связанные с торговлей, не были перенесены на площадку ВТО».

Парижская модель

Более редки, но и более правдоподобны оценки итогов конференции в Абу-Даби как наполовину полного стакана, с учётом международного контекста растущей фрагментации.

Алан Вольф, бывший заместитель директора ВТО, ныне работающий в Институте Петерсона в Вашингтоне, пишет, что конференция «сделала то, что было необходимо», то есть удержала линию фронта, не отступив в сторону большего протекционизма, несмотря на продолжающиеся войны в Европе и на Среднем Востоке и «бушующие геополитические разногласия», например, между США и Китаем.

В своей статье для Королевского института международных отношений в Лондоне Эмили Джонс утверждает, что «слишком часто об эффективности ВТО судят по её нормотворчеству, по количеству новых правил, которые она создаёт, чтобы открыть рынки и связать правительства всё более глубокой либеральной экономической моделью». Такой подход, заложенный в 1990-е годы при доминировании Америки, сегодня уже не является политически жизнеспособным. Необходимо отказаться от установления «единых глобальных правил» и сохранить ВТО «как форум для обсуждений, обмена информацией, укрепления доверия и снижения торговой напряжённости». Удачным примером международного сотрудничества являются конференции ООН по климату, где после заключения Парижского соглашения в 2015 году произошёл отход от согласования универсальных правил в пользу системы добровольных обязательств, которая «не идеальна, но сохраняет консенсусный подход, а также не позволяет отдельным участникам накладывать вето».

По мнению Джонс, профессора Оксфордского университета, «в многополярном мире есть веские основания для формирования нового плюралистического видения ВТО, основанного на признании и уважении различных экономических и политических систем».

ВТО на добровольной основе

Джонс ссылается на эссе в *The American Journal of International Law* (2023), в котором канадские юристы Роберт Хауз (Нью-Йоркский университет) и Джоанна Лангиль (Университет Западной Онтарио) утверждают, что «правовая архитектура ВТО характеризуется устойчивым плюрализмом». Их концептуальная предпосылка заключается в

том, что международное право всегда сталкивается с трудностями в определении общих правил для государств, которые отличаются экономическим, политическим и правовым разнообразием. В наших терминах, *неравномерное экономическое и политическое развитие* является постоянным противоречием, с которым сталкиваются буржуазные мифы об «одинаковом праве для всех» и формальном юридическом равенстве суверенных государств.

Хауз и Лангиль отмечают, что эта неразрешимая проблема становится ещё более острой в контексте международного торгового права, которое стремится регулировать отношения между государственными законами и транснациональными частными экономическими сделками. «Правильное правовое соотношение между публичным правом и частными правами на заключение договоров и собственность – один из самых спорных вопросов в политической и правовой философии. Государства исторически применяли очень разные подходы к регулированию этих отношений, что создаёт особенно сложную почву для определения нормативной перспективы, на основе которой можно разрабатывать и применять общие правила». С процедурной точки зрения, «основной способ, с помощью которого международное право решает проблему плюрализма, – это укоренение большинства международно-правовых обязательств в консенсусе». Многосторонняя торговая система, как в её первоначальной форме (ГАТТ), так и в существующей сегодня ВТО, является классическим примером: она построена на принципах добровольности и единогласного принятия решений, без использования инструмента голосования большинством.

Плюралистическая ВТО

По мнению двух канадских специалистов, «ГАТТ закрепила в качестве модели либерализацию связей между государствами», а не внутри них. Участие в многосторонней системе не навязывает какого-либо конкретного политического конституционного устройства, равно как и определённых отношений между государством и рынком, «за исключением некоторых крайних типов экономического национализма». Снижение торговых тарифов само по себе не является обязательным и необратимым. Даже основополагающий принцип «недискриминации» предусматривает гибкость и исключения, например, по соображениям «национальной безопасности».

Хауз и Лангиль критикуют «неолиберальный период» этой системы, который пришёл на Уругвайский раунд – переход от ГАТТ к ВТО. На этом этапе «присоединение [новых членов] использовалось для требования неолиберальных реформ от входящих стран, но в правовой архитектуре, касающейся присоединения к организации, нет никаких оснований для таких требований. Более того, правовые тексты ГАТТ/ВТО ничего не говорят о том, какие политические и правовые структуры должны установить государства-члены; членом организации может быть как демократия, так и авторитария». Однако фаза американской идеологической гегемонии лишь отчасти поставила под угрозу генетический плюрализм многосторонней системы, в том числе потому, что решения Апелляционного органа ВТО систематически смягчали неолиберальные аспекты в пользу здорового плюрализма, «гарантируя, что государства сохраняют

право регулировать отношения внутри страны так, как они считают нужным».

Организованное отступление

Хауз и Лангиль спорят с “теорией велосипеда”, придуманной в 1980-х годах Фредом Бергстеном, основателем Института Петерсона. Ошибочным они называют «представление о том, что отступление или изменение баланса в системе в более протекционистском или менее либеральном ключе невозможно без её разрушения», а также «представление о том, что постоянное заключение новых соглашений о либерализации является отличительной чертой исправной работы ВТО».

Вместо этого необходимо признать, что в текущей международной ситуации «дальнейшая либерализация и интеграция на многостороннем уровне маловероятны». Напротив, может потребоваться «некоторое движение назад, с целью сохранить базовые рамки либерализации». В то время, когда все крупные державы проводят масштабную промышленную политику, «ВТО должна стать форумом для обсуждения различных экспериментов в отношениях между государствами, но не с целью сближения, а для того, чтобы учиться друг у друга, даже если конечным результатом будет согласие по поводу наличия разногласий».

По мнению британского аналитика Джонс, ВТО должна стать плюралистической; по мнению двух канадских юристов, она всегда была таковой, за исключением эксцессов Вашингтонского консенсуса. В обоих случаях надежды на будущее возлагаются на смиренную в амбициях ВТО, которая больше не стремится определять и администрировать «глобальные правила для мирового рынка» в соответствии с идеологическими формулами, преобладавшими в десятилетия либерального цикла. Если после распада СССР Соединённые Штаты полагали, что смогут навязать свою модель всей планете, то приход из Азии грозных соперников континентального масштаба с сопутствующими кризисами и войнами, похоже, навсегда закрыл это историческое окно. Вашингтон отшатывается от тех самых правил, которые он отстаивал. Те, кто ратует за выживание ВТО, разрабатывают или восстанавливают теории, подходящие условий всё более отчётливой многополярности новой стратегической фазы.

Lotta comunista, март 2024 г.

Guido La Barbera
Новая стратегическая фаза

316 страниц, мягкий переплёт, 4 карты, хронология, библиография, биографический справочник
ISBN 978-5-9905528-2-1

Цена 350 руб.

Единство и фрагментация мировой торговли

Всемирная торговая организация была создана в соответствии с Марракешским соглашением 15 апреля 1994 года в атмосфере триумфа капитализма. Кризисы и войны уже давно развеяли либеристский энтузиазм 1990-х годов, но это не мешает ВТО отмечать 30-летие своего существования, заявляя о важном вкладе в глобализацию. С 1995 года мировой товарный экспорт вырос в три раза в объёмном выражении и в пять раз в стоимостном, примерно с 5 до 25 триллионов долларов в год.

Неожиданное замедление

За тридцать лет быстрого роста мировой торговли произошло лишь два значительных спада – в 2009 и 2020 годах, связанных с такими катастрофами, как финансовый кризис и пандемия. Поэтому падение объёма торговли товарами на 1,2 % в 2023 году на фоне глобального роста реального ВВП на 2,7 % кажется необычным. В своём докладе *“Global Trade Outlook and Statistics”* (апрель 2024 года) ВТО объясняет неожиданное падение двойным эффектом от всплеска инфляции в прошлом году. С отраслевой точки зрения, потребление товаров обрабатывающей промышленности, составляющих важную долю торговли, снижается из-за роста цен сильнее, чем потребление услуг, которые вносят больший вклад в ВВП. С географической точки зрения инфляция сильнее всего ударила по Европейскому союзу, который статистически в большей степени влияет на торговлю, чем на мировой объём производства.

Статистический бюллетень ВТО признаёт некоторые «предварительные признаки фрагментации»: некоторые потоки товаров перенаправляются из-за новых геополитических разломов, правительства ряда стран применяют меры по репатриации производства (*reshoring*) или благоприятствуют торговле со странами-союзниками (*friendshoring*). По данным МВФ, с начала войны на Украине торговля между западными и восточными блоками, определяемыми на основе результатов голосования в ООН, сократилась в два раза значительнее, чем торговля внутри этих двух блоков. Однако, по мнению ВТО, «свидетельства решительной тенденции к деглобализации остаются скудными». Напротив, организация указывает на то, что в последние годы торговля проявила «удивительную устойчивость» к потрясениям и кризисам, включая пандемию, войны и инфляцию. Ожидается, что после спада в 2023 году мировая торговля товарами продемонстрирует восстановление объёма на 2,6 % в этом году и на 3,3 % в 2025 году.

Устойчивые цепочки

Даже в своём программном оптимизме по поводу перспектив глобализации ВТО признаёт, что темпы этого процесса изменились: в 1990-е годы объём торговли товарами рос более чем в два раза быстрее мирового производства, в 2000-е – в полтора раза, а с 2010 года темпы роста находятся примерно на одном уровне. С тех пор появились теории о «пике глобализации», который совпал с мировым кризисом 2008 года. Мировая торговля продолжает расти, но более скромными темпами: «медленизация» (*slowbalization*) – такое определение даёт британский еженедельник *The Economist*.

Однако институты многостороннего сотрудничества утверждают, что так называемые «глобальные цепочки создания стоимости», связывающие различ-

ные этапы производственного процесса в разных странах, становятся короче или регионализируются. По данным ОЭСР, «в 2020 году до 60 % мировой торговли приходилось на промежуточную продукцию, то есть продукцию, которая не предназначена для конечных потребителей, а используется в качестве сырья другими компаниями». Цепочки добавленной стоимости «остаются главной характеристикой мировой экономики» (*“The persistence of global value chains in an uncertain world”*, март 2024 года).

С 2017 года ВТО в сотрудничестве с тремя азиатскими институтами публикует специальный двухгодичный доклад, в последнем издании которого подчёркивается «устойчивость и стабильность цепочек создания стоимости в ответ на различные потрясения последних лет» (*“Resilient and sustainable GVCs in turbulent times”*, 2023). В исследовании, проведённом Oxford Economics для Фонда Хинриха, утверждается, что «глобальные цепочки поставок продолжают расширяться» и не демонстрируют значительного разделения на блоки.

Неизбежность Китая

Oxford Economics исследует тенденцию к *декаплингу* между США и Китаем. В американском импорте промежуточных товаров доля Китая снизилась с 18,5 % в 2018 году до 11,4 % в первой половине 2023 года. «Китай остаётся центром фабрики “Азия”», но региональные цепочки поставок меняются, в частности растёт экспорт из Вьетнама и Индонезии (*“The deglobalization myth: how Asia’s supply chains are changing”*, январь 2024 года). США сокращают импорт из Китая, но некоторые экономисты утверждают, что китайское производство находит другие пути входа на американский рынок. В быстрорастущем экспорте таких стран, как Мексика и Вьетнам, действительно, выделяются товары, компоненты которых имеют китайское происхождение.

В исследовании Глобального института McKinsey даже утверждается, что китайская добавленная стоимость в продуктах, потребляемых американцами, продолжала расти в период с 2017 по 2020 год. Чтобы обойти новые протекционистские барьеры Белого дома, китайские компании также ускоряют создание заводов в странах, имеющих соглашения о свободной торговле с США, таких как Мексика и Южная Корея. Эксперт *Bloomberg* Шон Доннан даже предложил новый термин «*spreadcoupling*», чтобы обозначить добавление новых звеньев в цепочки поставок из Китая в США в виде фабрик в других развивающихся странах. МВФ также считает, что «группа “связующих” стран из числа неприсоединившихся быстро набирает значимость, выступая в качестве моста между блоками». Это, вероятно, способствовало развитию мировой торговли в последние годы, «но не обязательно повышало диверсификацию, укрепляло цепочки поставок или снизило стратегическую зависимость» (*“Changing global linkages: a new cold war?”*, апрель 2024 года).

Предварительные оценки

Исследования Всемирного банка подтверждают, что развивающиеся экономики АСЕАН, как правило, больше экспортируют в США, но при этом больше импортируют из Китая. Например, южнокорейский гигант Samsung перенёс окончательную сборку своих смартфонов из Китая во Вьетнам, но многие внутренние компоненты по-прежнему производятся

в Китае. Джеймс Крэттри, директор исследовательского центра IISS-Asia (Сингапур), отмечает в *Financial Times* «двойной парадокс» декаплинга: он усиливает интеграцию азиатских рынков вокруг Китая и не снижает зависимость Запада от китайской продукции. По мнению Грегга Ипа, главного экономического обозревателя *Wall Street Journal*, «фундаментальным препятствием для декаплинга является то, что доминирующее положение Китая в мировой промышленности затрудняет поиск альтернатив».

Во многих из этих аналитических материалов в духе либеризма также проследживается желание продемонстрировать относительную беспомощность протекционизма. Намерение состоит в том, чтобы подвести отрицательный итог под антикитайскими тарифами президента Дональда Трампа, почти полностью сохранёнными Джо Байденом. Объективная оценка, вероятно, пока невозможна, так как перестроение международного производства занимает больше времени. Говоря конкретнее, цепочки поставок – это заводы и логистическая инфраструктура, то есть огромные инвестиции в основной капитал, а также квалифицированная рабочая сила, контрактные соглашения и нарабатанные связи. Ральф Томас, руководитель немецкого гиганта *Siemens*, заявил в интервью *Financial Times*: «Глобальные цепочки создания стоимости строились на протяжении последних пятидесяти лет. Насколько наивным нужно быть, чтобы поверить, что их можно изменить за шесть или двенадцать месяцев? Это вопрос десятилетий».

Эволюция статистики

В новейшей истории стремительное и хаотичное капиталистическое развитие мирового рынка создало беспрецедентные проблемы для сбора экономических данных, превосходящие саму способность буржуазии измерять реальный процесс. Хьюберт Эскейт, руководитель отдела статистики ВТО с 2006 по 2016 год, отмечает, что попытки измерения торговли исторически были одними из старейших официальных переписей, наряду с переписями населения. Долгое время их цель оставалась той же, что и в XVIII веке: «информировать принца о пошлинах, собранных таможенными чиновниками». Только с 1950-х годов данные о внешней торговле стали использоваться для определения национальных счетов государств.

С технической точки зрения первым препятствием, которое необходимо было преодолеть, стала классификация товаров. Попытки согласовать номенклатуру на глобальном уровне начались в середине XIX века на международных конгрессах и конференциях, но потребовалось целое столетие, чтобы прийти к современным классификациям после второй мировой войны под руководством ООН и Всемирной таможенной организации, созданной в 1952 году. Именно тогда, когда казалось, что системы государственного учёта, наконец, догнали глобализацию, началась новая трансформация торговли, с увеличением веса услуг и, прежде всего, с дроблением производства на множество компонентов. «Мировая экономика стала по-настоящему глобальной», с современными цепочками создания стоимости, в конце которых многие товары «сделаны в мире», а не в отдельной взятой стране.

Эволюция международного производства заставила разрабатывать новые статистические инструменты в попытке

рассчитать добавленную стоимость в каждом звене цепочки поставок, поэтому счета больше не могут быть только национальными. Первая база данных ВТО–ОЭСР по торговле добавленной стоимостью функционирует только с 2013 года, и показатели «всё ещё страдают от серьёзных недостатков» (*“Past and present issues in trade statistics”*, *Revue de l’OFCE*, 2015).

Всемирный класс

Буржуазная статистика всегда движется по скользкой дорожке политических цифр. В обществе, разделённом на классы и находящемся под диктатурой капитала, не существует нейтральной науки, тем более когда дело касается экономического учёта. Ральф Осса, главный экономист ВТО, объясняет, что его задача схожа с задачей функционеров центральных банков, которые должны держать в узде рыночные настроения и надежды. «Для нас это не только управление торговыми издержками, но и управление ожиданиями относительно торговых издержек, поэтому, конечно, мы не любим неопределённость». Вам она может не нравиться, но капитализм – это как раз общество неопределённости, врага инвестиций и бизнеса.

Марксистская наука, по сути, рассматривает изменения как константу. «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства», – пишут Маркс и Энгельс в «Манифесте». «Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других»¹. Правящий класс не может даже точно измерить стоимость, созданную в лабиринтах всё более глобального производства, в мире фабрик, который марксизм предвидел и объяснял с момента своего зарождения.

Именно международное разделение труда делает возможным и необходимым международное единство рабочих. Для коммунистов «сделано в мире» – это приносящее энтузиазм подтверждение: того, что наш класс является действительно всемирным, и пролетарский интернационализм актуален как никогда.

Lotta comunista, апрель 2024 г.

1 – Маркс К и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 427.

**Октябрь 1917 года. 100 лет.
100 борцов за революцию**

364 страницы, твердый переплёт,
именной указатель, иллюстрации
по тексту, хронология

ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Политические цифры международной торговли

По версии ВТО и специалистов, экономика XXI века характеризуется распространением «глобальных цепочек создания стоимости». Компании всё чаще развивают на части производственных процессов, делокализируя в других странах производство компонентов и предоставление услуг. Как подчёркивает Пол Антрас, испанский экономист из Гарварда, «типичные ярлыки «сделано в» на промышленных товарах стали архаичными символами старой эпохи. В наши дни большинство товаров «Сделано в мире»».

Новые статистические данные

ГЦСС (глобальная цепочка создания стоимости) может быть определена как «процесс производства, включающий добавленную стоимость как минимум из двух стран». Фрагментация производства, пересекающая границы, пишет Антрас, «приводит к лучшему международному разделению труда и большим преимуществам специализации», но «также создаёт значительные проблемы для измерения деятельности» («Conceptual aspects of global value chains», *The World Bank Economic Review*, 2020). Таможенные данные, по сути, говорят о том, где был произведён товар или услуга и куда он направляется, но они не говорят о том, сколько стран внесли в него свой вклад, помимо страны-экспортёра, и как он будет использован страной-импортёром: будет ли он потреблён или переработан и реэкспортирован далее по цепочке.

В попытке прояснить статистику мировой торговли академические и институциональные исследования последних двух десятилетий придерживались двух основных подходов: микро- и макроэкономического. Первые попытки использовали специфические данные некоторых крупных транснациональных корпораций. Известный пример касается цепочки создания стоимости Apple iPod: в 2005 году его модель Video, продававшаяся за 299 долларов, имела себестоимость 144 долларов, из которых менее 4 долларов приходилось на окончательную сборку в Китае, около 100 долларов – на добавленную стоимость японских компонентов, а остальное – на производство в США и Южной Корее. Однако на основе валовых потоков традиционных торговых балансов вся стоимость приписывается последней стране в цепочке, конечно экспортёру. Согласно другому исследованию, только за счёт iPhone дефицит торгового баланса США с Китаем в размере 1,9 миллиарда долларов в 2009 году сократился бы до 73 миллионов долларов, если учитывать ту добавленную стоимость, которая переносит дефицит США на другие страны, поставляющие компоненты для смартфонов Apple, в частности, в Японию и Германию.

Модель Леонтьева

Преимущество микроэкономического подхода заключается в непосредственном использовании данных компаний, но он не может уловить ни весь спектр потоков, ни добавленную стоимость в цепочках предшественников поставщиков компонентов, которые зачастую сами являются сборками

субкомпонентов, произведённых в других странах.

Второе направление исследований, макроэкономическое, использует таблицы «затраты – выпуск», иллюстрирующие обмен между различными секторами. Это модель, разработанная советскими экономистами и внедрённая в США Василием Леонтьевым (1906–1999), лауреатом Нобелевской премии по экономике 1973 года. Эти межотраслевые таблицы имеют решающее значение для определения добавленной стоимости производства при расчёте национального ВВП. Комбинируя их с таможенными данными, в последнее десятилетие экономисты пытались построить «глобальные таблицы затраты – выпуск».

Среди наиболее широко используемых баз данных можно назвать WIOD (*world input – output database*, мировая база данных затраты – выпуск), координируемая голландским Гронингским университетом и финансируемая Европейской комиссией, и TIVA (*trade in value added*; торговля добавленной стоимостью), созданная ОЭСР и ВТО. Теоретически эти анализы позволяют отслеживать добавленную стоимость на каждом этапе производства каждого продукта в каждой стране. На практике исследователи признают серьёзную ограниченность этих данных, которые страдают от некоторых априорных предположений и грубых агрегирований по секторам. Например, сообщает Антрас, «можно вычислить происхождение «металлических изделий» при производстве «автомобилей» в США, но происхождение шин, двигателей или стеклоочистителей из этих наборов данных вывести невозможно».

Рабочие и машины

В академических исследованиях либеристской школы и в отчётах многосторонних институтов распространение цепочек создания стоимости всегда объясняется одним и тем же списком причин. Два крупных политических переломных момента: распад СССР в 1991 год и вступление Китая в ВТО в 2001 году – невероятно расширили глобальный капиталистический рынок. Две технологические инновации: большие контейнеровозы, снижающие стоимость морских перевозок, и развитие телекоммуникаций, информационных технологий и Интернета – вызвали так называемую «смерть расстояния».

Теоретики либеризма забывают принять во внимание социальные классы и способы производства. Они прославляют чудесный «выход из бедности» сотен миллионов людей, особенно в Восточной Европе и развивающейся Азии, умалчивая об истинной природе этого эпохального явления. Двигателем либеристского цикла стал гигантский процесс пролетаризации, в результате которого открылось огромное месторождение низкооплачиваемой рабочей силы, которая прежде представляла собой преимущественно массу крестьян и ремесленников, занятых натуральным хозяйством. Они говорят, что телекоммуникации облегчили делокализацию и координацию промышленного производства, требующего инженерной точности, которая ранее была возможна только

под одной крышей большого завода. В действительности стандартизация стала возможной в основном благодаря экспорту машин и других средств производства из старых держав в развивающиеся страны. Это явление отнюдь не ново, как и империализм, неотъемлемой характеристикой которого является.

Серийные экипажи

Типичный порок буржуазных экономических тезисов – преувеличение черты новизны. Следя за современными академическими дебатами, можно потерять счёт «новым промышленным революциям» и «сменам парадигм». В анализе ГЦСС широко используются концепции *unbundling* (разделения) и *trade in task* (торговля задачами), которые представляются как структурные новшества, в то время как на самом деле они являются типичными чертами капиталистического производства. В работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» (1893) Ленин выделяет отрывок из «Капитала» Маркса: «Известная трудовая операция, бывшая ещё вчера одной из многих функций одного и того же товаропроизводителя, сегодня, быть может, порывает эту связь, обособляется как нечто самостоятельное и именно поэтому посылает на рынок свой частичный продукт как самостоятельный товар»¹.

Специализация общественного труда, объясняет Ленин, так же бесконечна, как и развитие техники. «Для того, чтобы повысилась производительность человеческого труда, направленного, например, на изготовление какой-нибудь частички всего продукта, необходимо, чтобы производство этой частички специализировалось, стало особым производством, имеющим дело с массовым продуктом и потому допускающим (и вызывающим) применение машин и т. п. Это с одной стороны. А с другой стороны, прогресс техники в капиталистическом обществе состоит в обобществлении труда, а это обобществление необходимо требует специализации различных функций процесса производства, превращения их из раздробленных, единичных, повторяющихся особо в каждом заведении, занятом этим производством, – в обобществленные, сосредоточившиеся в одном, новом заведении и рассчитанные на удовлетворение потребностей всего общества»². Ленин приводит в пример исследование того времени о производстве экипажей в Северной Америке: не менее десятка различных фабрик дешёво изготовляют составные части каждого экипажа. Для производства одних только колёс существуют отдельные заводы, специализирующиеся на ободах (Миссури, Арканзас, Теннесси), спицах (Индиана, Огайо) и ступицах (Кентукки, Иллинойс).

Данные инструментальных исследований

Француз Паскаль Лами, возглавлявший ВТО с 2005-го по 2013 год, был одним из главных пропагандистов новой системы учёта добавленной стоимости в международной торговле. В предисловии к одному из первых институциональных докладов на эту тему «Global value chains in a changing world» (WTO, 2013) Лами превозносил значение этой статистической инновации.

Традиционные данные о валовой стоимости искажают торговые балансы, приписывая всю стоимость экспорта последней стране в цепочке. Они «просто не способны отразить истинную природу экономических отношений между странами и вытекающие из этого политические последствия». Измерение торговли добавленной стоимостью, с другой стороны, выявляет большой вес услуг, решающую связь с капиталовложениями, растущую глобальную взаимозависимость, «необходимость переосмысления самой природы сотрудничества между странами».

За прошедшие десять лет первоначальный энтузиазм постепенно сошёл на нет, не принеся желаемых результатов. Валовые потоки торгового баланса остаются преобладающим показателем для государств и в политических дебатах, например, сегодня в центре кампаний США и ЕС против Китая, обвиняемого в экспорте избыточных производственных мощностей. Однако остаётся очевидным политический замысел этого сезона большого внимания к ГЦСС, который мы сразу же обозначили в этой статье. «При использовании метода добавленной стоимости китайское активное сальдо в двусторонней торговле США и Китая становится на 25 % меньше, чем при расчёте традиционным способом. В этом политический смысл статистического начинания ВТО, предпринятого с началом американского кризиса 2007 года» (Вестник «Интернационалист» №7, февраль 2013).

Человеческие цепочки

В своей книге «The Geneva Consensus» (Cambridge University Press, 2013) Лами пишет, что «геополитические последствия этой ошибки измерения сразу же очевидны», как будто это торговый дефицит является стратегическим вопросом между США и Китаем, как будто статистический пересмотр может изменить условия силового противостояния и способствовать мирному международному сотрудничеству.

Маркс утверждает, что экономическая наука революционной буржуазии в лице Давида Рикардо (1772–1823) «делает свои конечные выводы и этим завершается»³. Позже, утвердившись в качестве правящего класса, буржуазия становится консервативной и излагает теории, в которых всегда и обязательно преобладает идеологическая и апологетическая черта. Торговая статистика пытается развиваться в погоне за глобализацией, но она не может стать наукой, и многосторонние институты буржуазии с трудом управляются с бухгалтерией всё более взаимосвязанного мирового рынка. С другой стороны, отдельные капиталистические группы прекрасно знают, где и как они извлекают прибыль из прибавочного труда наёмных работников – живых звеньев глобальных производственных цепочек и единственных настоящих создателей стоимости.

Lotta comunista, май 2024 г.

1 – Маркс К и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 116.

2 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 1. С. 95.

3 – Маркс К и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 47.